

ГОРОД ЛИФТОВ

АНДРЕЙ
ФРОЛОВ



ЗАБЫТЫЙ ЭТАЖ

Город Лифтов

Андрей Фролов

Забывтый этаж

«Автор»

2013

Фролов А. Е.

Забывтый этаж / А. Е. Фролов — «Автор», 2013 — (Город Лифтов)

ISBN 978-5-699-67418-3

Почти пять месяцев прошло с тех пор, как Спасгород пережил операцию «Возрождение»: гигантская стальная башня раскрылась, как цветок, и этажи-поляны разлетелись по равнине, образуя районы нового города. Его жители впервые увидели небо и солнце! А что же Витька, Настя и Димка – ребята, благодаря которым это превращение стало возможным? В награду за свои подвиги близнецы получили универсальные ключ-карты, позволяющие управлять любым Лифтом. Взрослые посчитали такой подарок почетным, безопасным и... бесполезным – ведь Лифты теперь прочно стоят на земле, а не перемещаются по этажам башни. Но скоро выяснилось – взрослые ошиблись!

ISBN 978-5-699-67418-3

© Фролов А. Е., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	7
Вступление	10
Глава первая,	12
Глава вторая,	25
Глава третья,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Фролов

Забывтый этаж

© Фролов А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.



Пролог

В пещере с блестящими темно-зелеными стенами гаснут светильники, на цепях развешанные по углам. Одновременно с возмущенными хлопками резко потушенного живого пламени. Меркнут синхронно, словно подключены к единой сети энергообеспечения, а не наполнены горючим коралловым маслом.

Единственным источником света остается необычный амбивизор в центре тесного помещения. Он установлен на каменном бочкообразном помосте и сейчас почти не виден из-за склонившихся над ним фигур.

С первого взгляда проволочный куб выглядит обыденно и знакомо. Но внимательное изучение позволяет заметить, что вместо стандартных плат и аккумуляторов устройство использует старинную, если не сказать – древнюю, ламповую микросхему. Большинство контактов многократно перепаяно, часть деталей отсутствует вовсе. Вместо них пазы конденсаторов и резисторов занимают граненые, ювелирно обточенные минералы всех оттенков зеленого, крепко зажатые в серебристых контактах. Амбивизор выглядит смешным, нелепым и неисправным, однако куб вдруг оживает, и в его пространстве возникает картинка...

Кольцо из десятка разновысоких фигур, толпящихся вокруг возвышения, сжимается. Зрители подаются вперед. В малахитовой пещере довольно тесно, они даже наступают друг другу на ноги, но никто не ворчит. Относительно свободным пространство остается лишь вокруг одной женщины – невысокой, неопрятной, будто бы заплесневелой, носатой и очень старой.

В отличие от своих гостей в плащах, она не носит глухого красно-черного капюшона и оставляет открытым некрасивое морщинистое лицо. В немые светлые волосы вплетены черепа летучих мышей, крохотные полые косточки, бусы и обломки старинных украшений. Пальцы с грязными, словно обкусанными, ногтями сжимают посох, изготовленный из вековой коралловой ветки. Ведьма смотрит на амбивизор, кривя губы в саркастической усмешке. Она уже не раз видела то, что собирается показать своим посетителям...

В зеленоватой дымке амбивизора возникают три силуэта.

Нечеткие, бесформенные, с неразличимыми чертами лиц. Троица вышагивает, при этом оставаясь на месте. Вдруг идущий слева спотыкается и падает; остальные помогают ему подняться. Затем крохотные фигурки разделяются, сдвигаясь к углам куба. Через какое-то время объемную картинку перечеркивает лента угольно-черного дыма, закручивающаяся спиралью. Этот шлейф словно веревкой стягивает размытые силуэты троих неизвестных в одно целое, заставляя их снова сплотиться в центре проволочного пространства.

Яркая изумрудная вспышка озаряет пещеру.

Вторая ей, набирают яркость и встроенные в электронику драгоценные камни. Затем амбивизор гаснет, погружая помещение в кисло-густой мрак, – светятся лишь микросхемы, работающие на минералах. Ведьма удовлетворенно кивает. Постукивает посохом по полу, отчего косточки грызунов в ее волосах ритмично постукивают.

Пауза затягивается.

– Ты призвала нас, чтобы отмалчиваться? – наконец произносит одна из фигур с нотками недовольства. Мужской голос красив и мелодичен. Вопрошающий на голову выше стоящих рядом товарищей, к тому же ведет себя так, словно является старшим. – Или хочешь, чтобы мы сами трактовали увиденное?

– Ваше дело следить за *его* сновидениями, – ворчливо отвечает старуха, продолжая недобро улыбаться и постукивать изогнутым посохом. – Мое – трактовать образы амбисиндрографа. Но уверен ли ты, Сын Темных Глубин, что желаешь услышать?

– Не томи нас, Гайна... – с нетерпением встревает невысокий бородатый крепыш. Он замер с противоположной стороны колоннообразного постамента, на котором установлен чудной амбивизор. – Думаешь, Орден забыл о своих обязанностях? Это ты призвала нас, а не мы решили...

– Ладно-ладно, – отмахивается ведьма по имени Гайна, трясущимися пальцами потирая отвислое ухо. – Вы услышите...

Шепотки, порхающие по незамкнутому кругу зрителей, мгновенно стихают. Самая высокая фигура снова нависает над амбивизором, тянется вперед, чтобы не упустить ни единого слова. Пристальные взгляды внимательно следят за хозяйкой малахитовой пещеры. Та закрывает глаза, что-то припоминая, и, чуть шепелявя, начинает негромкий рассказ.

– Их будет трое, но идти они станут на десяти ногах, а затем отрастят еще четыре, – звучит в низком гроте. – Зверь о пяти головах и двух хвостах рухнет из-под струн. Пронзит тьму, скрывавшую нас, минует сто порталов, и удача будет его союзницей. Много зло принесет он в наш мир и пошатнет привычное положение вещей. Умы и сердца подчинятся ему, и насытятся железо воинов. Нарушены будут старинные законы, сорваны путы, попораны мечты о перемирии. Битву трое развяжут там, где запрещено лить кровь. Преисподней своего мира посчитают обитель кланов. Но страшнее этого заблуждения станет цена их главной ошибки...

Гайна замолкает, перестав шамкать ртом, в котором не хватает половины зубов. Ее не торопят. Но по лицам в сумрачных недрах капюшонов видно, какое нетерпение охватывает всех собравшихся. И когда высокий уже собирается упрекнуть старуху, та неожиданно продолжает:

– Он будет разбужен...

Десять фигур, окольцевавших амбисиндрограф, издадут единый протяжный вздох.

– Станет угрозой существу, и не будет спасения от ярости его... – вещает ведьма, ритмично стуча по мозаичному полу коралловым посохом. – Сплетутся судьбы зверей, что ноги имеют и не имеют. Грядет великая битва... Многие попытаются остановить беду. Орден потерпит неудачу. И лишь в одном спасение вижу я, но существо это еще не родилось на свет...

Фигуры в капюшонах переглядываются, растерянные и взбудораженные. Кто-то записывает слова Гайны на небольшой восковой табличке. Кто-то осеняет себя охранными знаками. Высокий качает головой, словно не готов поверить пророчеству.

– Забывшие свое предназначение сплетутся воедино, – снова шепчет ведьма из пещеры с зелеными стенами. – Может родиться он – не имеющий матери и отца... имеющий сто матерей и отцов... шут и паяц, лишенный таланта... гонимый и преследуемый, дремлющий под землей и бодрствующий на небесах. Если это произойдет, крушение будет остановлено...

– А если нет? – осторожно и по-прежнему недоверчиво интересуется статный мужчина в красно-черном плаще.

– Тогда, Сын Темных Глубин, – Гайна грустно усмехается, с прищуром глядя в сумрак под его капюшоном, – разделенные народы ждет забвение. Рухнут нерушимые своды, погребая под собой все живое. И разверзнется бездна, изрытая телом его, и придет конец...

В грот возвращается тишина, в которой слышно, как мерно гудят удивительные кристаллы, вмонтированные в старинную ламповую микросхему. Высокий прячет ладони в рукавах полосатого плаща, словно ему стало холодно. Сутулятся больше обычного и тяжело вздыхает.

– Орден благодарит тебя, Гайна, – произносит он, хотя по голосу слышно, что пришедший к прорицательнице жалеет, что откликнулся на зов и выслушал очередное предсказание. – Продукты и лекарства доставят в самое ближайшее время...

– Ты так заботишься обо мне, великодушный Сын Темных Глубин... – не скрывая ехидства, говорит старуха, расплываясь в улыбке. – Как о родной матери...

Но мужчина в плаще не отвечает.

Отвернувшись от ведьмы и ее амбисиндрографа, он направляется к выходу, и девять его спутников живым шуршащим ручейком текут следом. Совсем скоро в пещере остается лишь старая некрасивая женщина с черепушками и бусинами в редких волосах. Слышно, как лязгает решетчатая дверь, как щелкает навесной замок.

Гайна смотрит на свой необычный, невероятным образом усовершенствованный амбизор. Саркастическая улыбка медленно сползает с ее лица, уголки губ горестно опускаются. Она тяжело вздыхает, вспоминая три силуэта в дремотном изумрудном мареве. Легко бьет посохом об пол, и в углах пещеры с неровными блестящими стенами разом вспыхивают масляные светильники.

Вступление

История, которую я хочу сейчас рассказать, произошла давным-давно. Также не исключено, что описанным событиям только предстоит случиться, если привычный нам современный мир кроважанных генералов, алчных политиков и оружия массового поражения не изменится к лучшему. Как бы то ни было, мне стали известны подробности новых приключений трех небезызвестных героев, и я решил поведать их вам со всей честностью и прямоотой...

Начать, пожалуй, нужно с того, что с незапамятных времен существовал на свете город-башня. Когда-то он носил строгое официальное название «Ковчег № 4», но обитатели высоко-ценной конструкции предпочитали любовно именовать свой дом Спасгородом. Десятки эта-жей-полян башни населяли тысячи трудолюбивых, целеустремленных людей, мужественно выстоявших под ударами ракет и затяжной болезни, источником которой стала Птица (долгое время почитаемая за самое страшное зло). Свет солнца выжившим заменял сложнейший при-бор под названием Светоч-ЗСИ-2; циркуляцию чистого воздуха обеспечивала система Поток-ЗВИ-4.

Отрадно, что спасгородцы (на многие-многое годы запертые в своем убежище) не поте-ряли стремления жить и наслаждаться маленькими житейскими радостями, а также умения воспитывать сильных детей. И в один прекрасный день все же вернулись к небу, пьянящему неугомонному ветру и настоящему солнечному свету. Этому важному событию, как мы знаем из предыдущих историй, немало поспособствовал героизм троих школьников – Димы, Вити и Насти, отважных близнецов с поляны Заботинск.

Пройдя через множество опасных испытаний и нарушив немалое число запретов, наши герои сумели совершить невозможное – при помощи друзей и союзников они разбудили умный Анализатор на самой вершине ветшающего города. Его активация запустила протокол «Воз-рождение», а он, в свою очередь, трансформировал башню в гигантский пестрый цветок, каж-дым из десятков лепестков которого стала отдельная поляна...

Огромный вклад в победу неугомонной троицы внесли и Лифты – разумные механизмы, с первых дней возведения убежища обеспечивавшие связь между уровнями Спасгорода и до последнего сопротивлявшиеся произволу Гильдии Смотрителей.

Кстати, эта организация (в прошлом дружная артель талантливых механиков, умевших чинить и настраивать процессоры Лифтов) когда-то одурев от переизбытка власти и полностью захватив контроль над спасгородцами, в итоге понесла заслуженное наказание.

После пробуждения Анализатора Конклав Гильдии был справедливо осужден за сокры-тие ценной информации, манипулирование сознанием сограждан, превышение полномочий и покровительство так называемым закрытым полянам, несчастные обитатели которых деся-тилетьями владели жалкое существование в ужасных условиях. Ценное имущество старших Смотрителей было конфисковано и распределено между обычными жителями. Верхушку тира-нов надолго изолировали, спасая от самосуда разгневанных горожан. Смотрителей рангом поменьше оставили на свободе, снабдив специальными устройствами слежения (подробнее об этом я упомяну чуть позже, когда придет время вспомнить одного известного нам отрицатель-ного персонажа)...

День Трансформации, бесспорно, стал одной из самых знаменательных дат в современ-ной истории Спасгорода. Конечно, сначала многие испытали дичайший ужас и приготовились воочию наблюдать Конец Света. Однако после того как улеглась паника, вызванная приземле-нием полян и редкими вспышками мародерства, шумные народные гулянья не стихали до рас-света – настоящего, первого в жизни нескольких поколений горожан (после ночной праздник превратился в ежегодное событие)...

Еще вчера убежденные, что никогда-никогда не выберутся за границы надежной крепости-ковчега, спасгородцы никак не могли нарадоваться случившимся переменам. С замиранием сердца они слушали радио, передававшее ежедневные отчеты ученых о том, что Болезнь Птицы покинула планету и поверхность вновь безопасна для проживания. С опаской выходили в таинственные леса, окружавшие распавшийся на отдельные блоки город; делали первые шаги в возделывании дикой почвы и приручении новых видов животных.

Поляна под названием Стратегический Склад Неприкосновенного Запаса, в простонародье именуемая Амбаром, наконец-то была вскрыта. Припасы, складированные на ней предусмотрительными предками, были пересчитаны и распределены по отрядам добровольцев-колонизаторов, первыми вызвавшихся покинуть периметр и осесть на *настоящей* земле. Так вокруг старинного города начали расти компактные поселения-фермы из быстровозводимых модульных домиков, обнесенные электрическими изгородями и белоснежными вышками генераторов-ветряков.

Поляны, до Дня Трансформации считавшиеся запретными или закрытыми, тоже претерпели изменения. Часть из них – такие, например, как Грибница или Реакторная Станция – в силу замкнутости экосфер было решено не распечатывать. Там отныне без устали трудились лучшие медики, психологи и биологи башни, пытаясь вернуть изменившимся сородичам былой внешний вид или хотя бы излечить их от тяжелых болезней. Другие уровни, где риск облучения или заражения обычных спасгородцев оказался не столь велик, стали открытыми и почти на равных правах вступили в союз с остальными «лепестками цветка».

Локальная власть на жилых ярусах вроде Заботинска или Складоугольска по-прежнему осталась сосредоточена в руках чиновников из поселковых Ратуш. Центральное же управление обновленным Спасгородом взял на себя Координационный Комитет, или КорКом (заменивший марионеточное правительство Гильдии), куда вошли представители главных профессий и социальных групп, населяющих башню или ее внешние стены.

Стража была с позором расформирована, ее наиболее рьяно помогавшие Смотрителям офицеры разжалованы. Вместо распущенного подразделения надсмотрщиков КорКом создал Силы Гражданской Самообороны.

А что же Лифты, спросите вы? Как же Лифты, эти уникальные разумные механизмы, тоже сыгравшие свою роль в запуске операции «Возрождение»? Неужели они перестали быть нужны Спасгороду? Неужели навсегда уснули на тех полянах, где их застала трансформация?

Нет, друзья мои, Лифты и не подумали засыпать. Спев победную песню и восславив подвиг наших героев, они действительно остались жить там, где находились в момент превращения башни. Конечно, теперь их вклад в развитие города стал не таким значимым – после активации протокола «Возрождение» изменилась сама суть башни, и механизмам просто стало некого и некуда возить. Но и забывать о верных помощниках никто не собирался.

Лифты стали своего рода музеями для экскурсий – едва с большинства процессоров сняли блокираторы, когда-то установленные коварной Гильдией, кабины взялись охотно рассказывать людям о прошлом. О великих предках-строителях, живших с одной-единственной мечтой: что рано или поздно болезнь исчезнет и человек сможет выйти из-за толстых железных стен.

Именно с одним из таких Лифтов-музеев, причем Высокого класса (да-да, не удивляйтесь, с тем самым, что когда-то увез детей с родного Заботинска, заставив окунуться в бурлящий котел приключений), и будет связана наша новая история...

Глава первая, *в которой сочиняют стихи, а кое-кто из гостей превращается в пассажиров*

Осеннее солнце заливало Заботинск жаркими янтарными волнами, лишь отчасти напоминавшими лучи Светоча, за ненадобностью отключенного в поселке механиков почти пять месяцев назад. Как и на большинстве жилых уровней, огромная крыша поляны была частично демонтирована, взорам заботинцев теперь открылись бездонные небеса, и горожане могли наслаждаться чехардой *настоящих* дней и ночей. Так же у них появилась возможность следить за медленной, но неотвратимой сменой времен года, что спасгородцам было и вовсе в новинку. Кое-где, чтобы не нарушить хрупкие искусственные экосистемы, боящиеся естественного света, сдвигание крыши было противопоказано, но родная поляна героев этой истории в число таких этажей не входила.

Итак, солнечный свет нежно окутывал Заботинск, порождая зыбкое марево над разогретым резино-асфальтовым покрытием улиц, беззаботно отражался от оконных стекол и придавал ярким черепичным крышам воистину праздничный и игрушечный вид.

Солнце клонилось к закату, но у светила оставалось еще несколько часов до того, как оно скроется за высоким периметром поляны. Из школы спешили по домам дети, возвращались с дневных вахт взрослые. Но все они двигались неспешно, наслаждаясь необычным природным теплом, к которому так и не смогли привыкнуть за стремительное Первое Лето, наполненное важными делами и перетряской всех городских устоев.

По тротуару центральной улицы медленно шли трое.

Словно заметив их, солнышко тут же стряхнуло с себя налипшие пряди полупрозрачных облачков. Одарило путников новой порцией лучиков. Его свет приласкал светловолосые макушки, подчеркнул насыщенный желтый оттенок новенькой школьной формы, блеснул в очках мальчика, идущего справа.

Конечно, солнце узнало бредущую по улице троицу, как узнали ее и мы с вами. Негромко болтая и вежливо здороваясь с встречаемыми взрослыми, из школы возвращались знакомые нам близнецы – Дмитрий, Анастасия и Виктор, к которым после известных событий в Заботинске стали относиться со смесью восхищения, осуждения и некоторой опаски. Оно, наверное, и понятно, ибо далеко не все в городе одобряли безответственное поведение детей, минувшей весной нарушивших столько законов Гильдии и послуживших причиной трансформации...

На перекрестке, где гудели и отстреливались вертикальными струями пара массивные грузовые самокаты, школьники остановились, дожидаясь разрешающего сигнала светофора. Под открытым небом шипение самокатной техники казалось гораздо менее тяжелым, чем обычно, и даже чуть-чуть музыкальным. Мальчик в очках машинально повернулся к боковой улице, идущая в центре сестра нахмурилась и покачала головой:

– Витька, мечтатель ты наш... Куда собрался?

Девочка улыбнулась, погладив пшеничную косу, лежащую на плече (с недавнего времени она разлюбила привычный хвостик, научившись заплетать шикарную косу). Вообще, чем старше становились наши герои, тем сильнее они различались между собой, и не только внешне. Но день, когда все трое станут по-настоящему взрослыми и приобретут уникальные индивидуальные черты, был еще очень не близок. А потому сходство тройняшек оставалось заметным, даже несмотря на мелкие различия.

– Забыл, что мы к Рифмователю в гости собирались? – вкрадчиво осведомилась Настя, любовно поглаживая заплетенные волосы и не сводя с мальчика цепкого взгляда.

От сестры, неожиданно проявившей проницательность даже большую, чем родители, укрылось, что в последнее время Витька стал на удивление задумчив. А еще тих и подавлен, словно бродящий без цели лунатик. И пусть замкнутость брата не отражалась на его домашних обязанностях или школьных отметках, Настя пообещала себе приглядывать за ним внимательнее.

– Ха! – не без злорадства подхватил Димка, тоже заметивший задумчивость близнеца. Он дурашливо раскрутил ранец, который держал за лямки в одной руке. – В раздумьях наш Виктор Петрович пребывает, как пить дать. Ему, Настена, сейчас волю дай, так он по задумчивости тапочки в холодильной камере хранить начнет, а молоко – под кроватью...

– Хи-хи, как смешно, – беззлобно огрызнулся Витька. Легко подпрыгнул, поправляя на плечах ранец. – Просто я начал в уме делать домашнее задание по алгебре. Чтобы не терять времени...

– Ой, вы только посмотрите! – продолжал скалиться Димка, подкрутив жесткий клок волос, зачесанных хаотично и дерзко, почти что в гребень, который (несмотря на робкие протесты учителей) носил по моде Ходящих По Стенам. – Я тебе говорил, братец, что зубрил и заучек никто не любит?

– А я напоминал тебе, братец, – все так же без обиды парировал тот, с иронией разглядывая торчащие патлы близнеца, – что зубрежка и богатый багаж знаний уже неоднократно спасали нам жизнь?

На это Дмитрий ничего не ответил. Ранец в его руке вдруг замер, как резко остановленный маятник хронометра, и мальчик лишь задумчиво почесал нос. Светофор подмигнул выпуклой зеленой линзой; самокаты послушно встали, пыхтя и пропуская пешеходов, и троица пересекла дорогу.

Навстречу попался знакомый урядник, которого на Заботинске величали просто Саньчем, в сопровождении нескольких бойцов КорКома. Завидев школьников, взрослые приветливо улыбнулись и шутливо отдали честь.

Настя и Димка улыбнулись в ответ, поздоровавшись, и только Витя продолжал смотреть под ноги, будто боялся споткнуться. Уже ступив на противоположный тротуар, он с грустью обернулся направо, где знакомая с малолетства улица уводила к родному двухэтажному дому, покрытому жизнерадостной красной черепицей...

Да-да, вы совершенно верно догадались – после известных нам событий Петру Петровичу и Юлии Николаевне вернули их прежний дом № 119. Причем, насколько дети поняли по обрывкам разговоров, семейству даже предлагали резкое улучшение жилищных условий. Но папа близнецов был человеком достаточно скромным. А потому от подарка сотрудников Ратуши мягко отказался, довольствовавшись повышением по службе и почетной должностью в новом Комитете. Так тройняшки и их родители и вернулись в тот самый дом, в котором когда-то Смотритель по имени... Впрочем, полагаю вам и так все это известно.

Продолжим же наблюдать за нашими героями вместе с осенним солнцем, выглядывающим из-за высокой железной стены вокруг Заботинска. И отметим, что дети действительно направились не домой, а в центр поляны. Туда, где возвышались изящная Ратуша и другие административные здания, а между ними дремал пересохший пруд, бывшее обиталище механических карпов.

Перед опустевшим водоемом, как мы можем вспомнить, величественной скалой поднимался к небу четырехметровый монумент Труженикам: отважным строителям Спасгорода, когда-то создавшим «Ковчег № 4» и укрывшим потомков от болезни, переносимой на крыльях птиц. Однако здесь я предлагаю на секунду задержаться. Потому что с нашего прошлого визита на месте сбора всех школьников Заботинска произошли кое-какие перемены.

Заключились они в том, что рядом со скульптурной группой, изображавшей ученых и инженеров в противогазах и герметичных костюмах, совсем недавно появился новый памят-

ник – высокая, метров двадцать, шестигранная стела, обшитая листами жести, по которым бежал богатый рельефный узор. Узор не был абстрактным, а обладал конкретным спиральным сюжетом, главными персонажами которого стали статные мужчины и женщины в летных комбинезонах и очках.

У самого подножия граненого шипа они были изображены сторбленными, угнетенными и подавленными. Чуть дальше вверх и по спирали они распрямляли плечи и седлали воздушные паруса, с помощью которых обуздывали вольный ветер. Если зритель продолжал и дальше двигаться вокруг стелы, то ему становилось заметно, как воздухоплаватели помогают обычным спасгородцам спастись от гнета Гильдии; как строят свои хрупкие лагеря на поверхности города; как преисполняются отваги и благородной злости за судьбу рабов, заточенных внутри многоэтажной башни.

В конце выпуклой графической истории, почти на самой верхушке окованного металлом столба, застыло изображение финальной битвы – там Ходящие По Стенам (да-да, героями полотна были именно они) вступали в бой с неопрытными толстяками, в которых пытливый ум мог бы распознать коварных Смотрителей – недавних диктаторов Спасгорода. На вершине стелы замерли трое Ходящих. Подняв и перекрестив руки, они тянули к небу забытый и заново обретенный символ Возрождения: меч, пастушеский посох и свечу на фоне рыцарского щита и воодушевляющего девиза.

Памятник освободителям установили чуть больше месяца назад. Причем внезапно, что стало сюрпризом как для высокопоставленных членов КорКома, так и для большинства обычных заботинцев. Кусочки пустотелой стелы делали украдкой, силами энтузиастов, после окончания положенных рабочих смен, проводя в цехах одну бессонную ночь за другой. А затем молниеносно собрали за одно утро, восславив подвиг отважных мятежников, вызвав восхищение жителей поселка и спровоцировав поток туристов с других полян, тоже захотевших взглянуть на дар Ходящим По Стенам и зажечь крохотную свечку у подножия.

Вот и сейчас здесь толпился народ, медленным хороводом прогуливаясь вокруг памятника и негромко комментируя сюжетное панно. Постамент двадцатиметровой колонны пылал от сотен зажженных лампад.

Однако далеко не все в городе были впечатлены появлением Штыка Свободы, потому что... Впрочем, об этом я расскажу позже.

Итак, школьники вышли на шумную центральную площадь, огибая ее по периметру и стараясь не углубляться в толпу. Та гудела, смеялась и бурлила – спасгородцы никак не могли нарадоваться настоящему солнцу. Их щеки лоснились от кремов, уберегавших кожу от загара (весьма болезненного для тех, кто всю жизнь провел под искусственными лучами Светоча). Их плечи были расправлены, души преисполнены счастья и покоя. Взрослых, освобожденных от гнета Сонника – машины по корректировке снов и желаний, – можно было понять, ведь в город пришли перемены. И пусть продуктовые запасы ковчега по-прежнему распространялись бережно и расчетливо, цены на еду значительно уменьшились, а надежда на скорое благоденствие не покидала горожан.

Но сказать, что наша троица одинаково радовалась происходящему, не смог бы никто. Настя нервно кусала губу, с опаской поглядывая на эмблему Возрождения (вероятно, девочка заново переживала ужас, через который ей пришлось пройти на вершине города); Витька на памятник не смотрел принципиально, хмурясь все сильнее.

А вот Дима жизнерадостно насвистывал, направо и налево здороваясь со знакомыми и то и дело принимая подарки-угощения от лоточников, торговавших печеной снедью. К слову, за последнее время мальчик заметно округлился лицом. Потому что просто не мог отказать себе в удовольствии слопать коврижку, и когда юных героев Возрождения баловали гостинцами, ел за троих...

Дети обогнули пересохший пруд, затем монумент Труженикам и Штык. И уже были готовы свернуть на проспект Учителей, как вдруг из толпы им наперерез устремилась фигура.

Высокая, но сгорбленная, она казалась болезненной и устрашающей. Сальные пряди седых волос прикрывали лысину мужчины, усеянную старческими рыжеватыми пятнами. Одежда – непостижимого фасона драный плащ – выглядела истрепавшейся и давно не стиранной. На груди, поясе и запястьях старика побрякивали безделушки, в основном состоявшие из неработающих микросхем и деталей бытовой электроники. На шее темнел черный пластиковый обод, замкнутый специальным замком с багровым значком мигающего диода.

– Карл! – прошептала Настя, поморщившись и потянувшись к левому запястью.

– Нужно было идти в обход... – замогильным голосом констатировал Витя, поправляя очки. – Знали ведь, что он любит возле Штыка околачиваться...

Здесь я позволю себе еще одно небольшое отступление и вкратце расскажу про человека, встреченного школьниками на главной площади Заботинска. Да, это действительно был Карл, тот самый Карл – престарелый Смотритель Гильдии, когда-то увлекший Петра Петровича (а за ним и его непоседливых отпрысков) на одну из нижних полей города и давший старт цепочке страшных и увлекательных событий.

После сражения в Лаборатории, предшествующего глобальной перестройке Спасгорода, его тоже собирались судить по всей строгости. Предъявили обвинение, конфисковали имущество, посадили в тюрьму. Но затем выяснилось, что события на верхней поляне так сильно ударили по рассудку пожилого мужчины, что тот не выдержал и сломался...

Сначала ученые КорКома посчитали, что старший Смотритель умело разыгрывает помешательство, чтобы избежать наиболее жесткого приговора. Но после серии тестов они убедились, что старик действительно повредился рассудком. Кроме того, за бывшего Смотрителя, вполне безобидного в своем сумасшествии, вступились члены многочисленной семьи и врачи. И тогда Карла отпустили, ограничив его свободу особенным устройством на шее.

С тех пор свихнувшийся старикан, постоянно сбегаая от санитаров, почти все время проводил на улицах, где беззлобно докучал спасгородцам историями о величии Гильдии (по его мнению, несправедливо оболганной). А еще он вдруг начал коллекционировать сломанные детали микросхем, украшая ими свой жалкий гардероб.

И пусть кое-кто справедливо полагал, что Карл делает это в память о Мглистом Механике, одном из самых ужасных слуг Конклава, большинство предпочитали верить, что старик тоскует об утраченных талантах великого инженера, способного настраивать процессоры Лифтов.

Ошейник, снять который могли только руководители Комитета, позволял запеленговать блаженного в любой точке обновленного города. А еще власти, выпустившие Карла на волю, не забыли, что он может попытаться отомстить нескольким заботинцам, запустившим роковой для Гильдии протокол (в конце концов, когда-то он даже стрелял в Петра Петровича из пистолета). Поэтому Вите, Насте и Димке выдали охранные браслеты, снимать которые им было настрого запрещено. Управляя с этих браслетов ошейником безумца, дети могли в любой момент активировать несмертельные заряды тока (если бы экс-Смотритель попробовал напасть), а также подать сигнал тревоги...

– Подойдет ближе, – продолжала нервно шептать девочка, держа палец на кнопке разрядника, – я его сразу взгрею...

Однако Карл, несмотря на сдвиг в мозгах, хорошо понимал, что близнецы способны причинить ему боль. А потому весьма прилежно сохранял дистанцию, предписанную судом Координационного Комитета.

– Амбулатория, коллаборационизм, загнутые штуковины, – посматривая на троицу с лихорадочным блеском в глазах, забубнил старик. – Только Гильдия сохраняла равновесие...

Турбулентность и стоны... Кто присмотрит за Комитетом бунтарей? Кто охраняет тех, кто охраняет вас? Зачем преступили закон?

– Знаешь-ка чего, дядя, – забросив ранец на плечо, Димка фыркнул и выступил вперед, привычно загораживая родных. – Шел бы ты отсюда, а? Ведь бо-бо будет... сам знаешь, что это такое! – И он демонстративно задрал левый рукав школьной куртки, обнажая браслет с пультом дистанционного шокера.

– Не нужно бо-бо... – Карл, усевшись на резино-асфальтовый тротуар, обиженно насупился и взялся перебирать ожерелье из разномастных деталек. Ласково погладил осколок наиболее хитроумной шестеренки, в один из краев которой был вмонтирован красивый ярко-зеленый хрусталик. – Ржавые решетки, магия существует, хищный червяк придет кусать за ноги. Дисперсионная геометрия!

– Пойдемте, ребята! – Витя, старательно не поворачиваясь к Штыку Свободы лицом, потянул остальных за рукава курток. – Нечего на психа время тратить...

И первым зашагал к проспекту Учителей, даже не взглянув на жалкого безумного бродяжку, когда-то державшего в своих руках власть над всем городом. Настя и Дима двинулись следом, и последний все же не удержался.

– А знаете, у меня иногда возникает желание его шарахнуть, – неохотно, но честно сознался он. И тут же добавил, наткнувшись на искренне возмущенный взгляд сестры: – Да ты что, Настюха! Не просто же так, а чтобы прибор проверить... Как вспомню, что гад в папку стрельнул, так...

– Карл получил свое, – хмуро, но рассудительно оборвал его брат. – И я даже не знаю, что лучше – сидеть в тюрьме, но сохранять ясность ума, или остаться на свободе, но не отдавать себе отчета в действиях и словах.

– Никто не готов! – донеслось им вслед хрипкое карканье бывшего Смотрителя, поглаживавшего перегоревшие микросхемы. – Этого вы не предусмотрели!..

– А мне его жалко, – тяжело вздохнув, произнесла Настя, не удержавшись, и обернулась на старого врага. Вокруг него собралось несколько туристов, бросавших бедолаге подаяние. – Вот до чего доводят жадность и желание безраздельной власти. Только все равно не по себе, когда он нам дорогу перебегает...

Они замолчали, подавленные неожиданной встречей, и какое-то время сонно брели по проспекту, погруженные в свои мысли. Потратили пару минут, наблюдая, как на соседнем перекрестке бригада строителей завершает аккуратный демонтаж полой вертикальной трубы. Почти разобранный по кирпичикам фрагмент шахты когда-то принадлежал Лифту по имени Шесть Гаек, оставшемуся жить на поляне Фермы. Теперь, когда необходимость в шахтах отпала, спасгородцы планировали выстроить на их месте что-то более полезное...

Вскоре Димка опять начал насвистывать (немного фальшиво и неестественно). Витя по-прежнему отрешенно смотрел перед собой, а их сестра ежилась, словно на поляне стало холодно.

– Какую рифму загадаем? – чтобы сбросить неловкое оцепенение, охватившее всех троих, как можно беззаботнее осведомился Дима. – Давайте «колбарцинизм», а?

– У Карла подслушал? – безрадостно усмехнулся второй мальчик. – Только правильно говорить – коллаборационизм. Это такое умышленное сотрудничество с врагом, по сути – предательство или измена. Плохое слово. Давайте лучше «лампада»?

– Я за «лампаду», – признала Настя. – Это ты, Витька, хорошо придумал, можно красиво зарифмовать.

Ребята добрались до окраины поселка, отгороженного от границ поляны просторным кольцом Пустыря. Кое-где его пересекали новенькие самокатные трассы, уходящие в новооткрывшиеся ворота внешней стены и дальше – к соседним примыкающим ярусам Спасгорода.

Но в этом секторе, уже хорошо знакомом нашим героям, никаких особенных новшеств не наблюдалось.

– Пусть будет «лампада», – согласился Димка, дернув плечом и чуть не уронив ранец. – Но тогда давайте усложним и добавим еще что-нибудь необычное. Например, «бдыщ»!

– Нет такого слова, балбес.

– А вот и есть. Пусть помучается, а? Чтобы не сильно быстро справился. Можно, да?

В итоге против странного «бдыщ» никто возражать не стал, и все двинулись через Пустырь, направляясь к одному из Лифтов, спрятанных во внешней стене. И вы будете совершенно правы, если предположите, что этим разумным механизмом оказался *тот самый* Лифт Высокого класса, с которого когда-то все началось...

Вероятно, пришло время для еще одного отступления, на этот раз – рассказа про Рифмователя, в гости к которому и направлялись близнецы. Как уважаемый читатель уже знает, после Дня Трансформации Спасгорода Лифты отправились на покой. Но это не означает, что они отключились, были утилизированы и навсегда выпали из жизни населявших город людей. Оставшись на тех полянах, где их застал протокол «Возрождение», они превратились в живые музеи. В них спасгородцы теперь водили экскурсии, а нередко ходили и просто так, проводить старых знакомых и узнать, не нужно ли заказать ремонт.

В такой музей превратился и Лифт Высокого класса, на котором троица совершила свое первое путешествие на закрытые Гильдией территории. После того как Смотрителей постигли крах и расформирование, многие спящие Лифты были отремонтированы: процессоры откалиброваны заново, а подавленные личности и характеры восстановлены. Именно в тот революционный период и выяснилось, что до переделки Конклавом заботинский ЛВК носил имя Рифмователя и был весьма недурен в стихотворном изложении мыслей. Правда, восстановление процессора не прошло для него бесследно, но об этом вы узнаете чуть позже...

А пока продолжим наблюдать за ребятами.

С тех пор как они пробрались в кабину Рифмователя следом за Петром Петровичем, Пустырь изменился незначительно. Все так же возвышались повсюду пустые контейнеры и фанерные ящики, излюбленное место игр дошколят; все так же зияло дырами упругое покрытие пола, под которым виднелось ржавое железо.

После того как на открытый Заботинск стали выпадать настоящие дожди, все ценное взрослые утащили в цеха и на склады, и теперь на Пустыре доживали свой век только самые бесполезные вещи. Однако мрачное очарование пустынного кольца продолжало жить – если не вокруг поселка, то в сердцах наших героев. А потому шаги их сделались осторожными, а Димка время от времени оглядывался через плечо, словно за ними могли следить...

– Только давайте быстрее, – попросил он, стараясь держаться непринужденно. – Ну, там «привет», «как дела», «вот тебе новое задание», «молодчина, ты как всегда находчив», «увидимся». И домой сразу, добро?

Витя нахмурился, обернувшись к брату, а Настя сдержала улыбку.

– Ты чего-то опасаясь? – настороженно осведомился Виктор, осматривая безлюдный Пустырь.

– Да не-ет, – тонко протянула девочка, – видать, наш Ромео к ненаглядной своей спешит. Опять свиданка, да, Димочка?

Мальчик потупился, а уши его вдруг покраснели. Он фыркнул в ответ на предположение сестры и легкомысленно отмахнулся, снова чуть не уронив ранец:

– Вот еще удумала! – Но при этом Димка не спешил встречаться с родными взглядом. И продолжал краснеть. – Вовсе не свидание. Просто хоккей сегодня в шесть... Да и родители потеряют...

Однако теперь, сообразив что к чему, улыбнулся и Витька. То, что брат уже несколько месяцев гуляет с Летягой Младшей, девчонкой из Ходящих По Стенам (с которой они познакомились во время выхода на поверхность города), уже давно не было секретом.

– Ой, а я и забыл, – хихикнул он, поправляя очки. – Что, Димка, свадьбу-то уже назначили?

– Дурак ты, Витек, и не лечишься, – обиженно буркнул тот, поджимая губы. – И ты, Настюха, туда же... И вообще, Ходящие мне новую модель планера показать обещали...

– Да ладно тебе. – Настя попыталась дружелюбно потрепать брата по плечу, но тот раздраженно увернулся от прикосновения. – Испытывать симпатию к девочке совсем не стыдно. Хочешь, попрошу маму с тобой об этом поговорить? Чего сразу завелся?

– Не надо никого просить! И ничего я не завелся. Чем выдумывать, лучше открывайте скорее...

Все трое добрались до края дисковидной поляны и теперь стояли перед толстой внешней стеной, на разнородной поверхности которой угадывались прорезные линии входа в скрытый Лифт. Чтобы оборвать неловкий разговор и хоть чем-то занять руки, Дмитрий сам нащупал панель протокольного доступа. Надавил на пластину, выдвинул щиток пульта...

Наверное, вы удивлены, как дети, в прошлом испытывавшие немало проблем при протокольных вызовах Шарады, Компетенции или Патриция, готовились с такой легкостью вступить в диалог с кабиной без сопровождения взрослых?

На это было две причины. Первая (и главная) состояла в том, что отныне Лифты не представляли такой угрозы, как раньше, потому что просто не могли завести случайных пассажиров в потенциально-опасную зону. А вторая причина заключалась в том, что после сражения на Лаборатории наших героев торжественно наградили: подарили по универсальной ключ-карте, позволявшей устанавливать контакт с процессором без длительных секретных протоколов, известных только узкопрофильным специалистам.

Димка подарок взрослых встретил троекратным «ура!» и уже неоднократно навещался в гости к немногословному Озорнику и еще более немногословному Ворчуну. Настя ключу тоже обрадовалась и в конце весны посетила Компетенцию (хотя было не совсем ясно, хотела девочка провести сварливый всезнающий Лифт или подтянуть знания перед экзаменом по физиологии растений). А вот Витя дар комитетчиков принял без особого восторга, ограничившись формальным «спасибо». Впрочем, из всей троицы именно он никогда не расставался с этим пластиковым доказательством заслуг перед городом...

– Ну так что, протокол начинать кто-нибудь собирается? – все еще недовольный вмешательством в свою личную жизнь, резко спросил Дима. – У меня ключ в ранце, под учебниками, доставать долго...

– А я свой дома оставила. – Сестра виновато пожала плечами, но на всякий случай пощупала на груди под одеждой. – Ага, точно оставила. Витя?

– «Витя-Витя»... – Мальчик невесело усмехнулся, потянув за цепочку и вынимая из-за ворота продолговатый перфорированный прямоугольник. – Как же вы так с бесценным даром КорКома?

Димка скорчил ему рожицу, а Настя нахмурилась:

– Что с тобой, братик?

– Да ничего...

Было видно, что на душе у Виктора что-то накапливает. Что-то, еще не готовое выплеснуться честным и обидным ответом. Но уже заметное, горячее... Девочка решила вернуться к этой теме при более благоприятных обстоятельствах: то, как один из братьев реагировал на общественное признание заслуг «заботинской троицы», начинало тревожить ее все сильнее...

– Протокол «Альфа», доступ уровня «Багратион», – вставив ключ-карту в специальную прорезь, привычной скороговоркой отгарабанил Витя в микрофон планшета. – Просыпайся, Рифмователь, к тебе гости.

Лифт, до этого момента, казалось, пребывавший в дреме, тут же ожил. Из стены над его дверью выдвинулся шнур гибкой амбикамеры, вокруг входа зажглось несколько серебристых светодиодов. По планшету пробежала шустрая цепочка из цифр и аббревиатур, подтверждавших принятие высшего протокола в обход обязательных процедур.

– Хоть дрему ты мою прервал, гостям я рад, героев ждал! – продекламировал сильный мужской голос из динамиков, настроенных (согласно характеру Лифта) на профиль «молодой и предупредительный». – Входите, друзья, входите!

И Рифмователь гостеприимно распахнул двери, через порог которых троица когда-то украдкой прошмыгнула за отцом и его мрачным спутником. Димка приветливо улыбнулся (коварно предвкушая, как приятель Лифт будет вплетать в стих его неудобное словечко), а Витя и Настя помахали в объектив.

Внутри кабина, если вы помните, была красива и уютна: просторный круглый холл с изящной мебелью и коврами, ажурный балкон вдоль изогнутой стены, темное дерево ступеней винтовой лестницы, хрусталь светильников и великолепная климатическая система. Лампы разлапистой люстры были выполнены в виде свечей, отчего казалось, что под потолком горит настоящее живое пламя.

Сейчас, конечно, богатой мебели стало меньше – еще в начале лета, стараясь максимально рационализировать новую систему городского управления, посланники КорКома вынесли из Рифмователя большинство предметов роскоши, передав их в детские дома и театры. Но и оставшейся обстановки хватало, чтобы посетители Лифта чувствовали себя комфортно.

– Привет, Рифмователь! – Дима, разуваясь на ходу и сбрасывая ранец на ковер, по-хозяйски запрыгнул на самый большой диван, стоящий в центре. – Готов к новому испытанию?

– Здравствуй, Рифмователь, – поздоровались остальные, проходя внутрь и рассаживаясь в кресла. – Пусть никогда не ржавеют твои шестеренки.

Створки плавно сомкнулись, скрыв унылые виды Пустыря и превратив кабину в миниатюрный герметичный дворец...

Разумеется, первое время после пробуждения Лифта ребятам было неуютно приходиться в царские покои, насильно вручившие им билет на Реакторную Станцию. Но постепенно страх ушел. Обшитые лаковыми панелями стены перестали вызывать дурные воспоминания, и троица даже подружилась с их крайне интересным обладателем.

– Любой каприз, любое слово я в ткань стихов вплету толково, – безупречно проговаривая слова и выдерживая интонационные паузы как настоящий артист, ответил Лифт. А затем поинтересовался: – Легко ли протекает ваша жизнь, юные друзья?

– Спасибо, все хорошо, – ответил Витя, хотя по его лицу нельзя было сказать, что мальчик всецело доволен своим существованием. – Школа, уроки, домашние задания, тесты, факультативы... Папа все время в Комитете, приходит поздно. Мама переехала на дневную работу.

– Услышанное тем примечательно, что замечательно! – порадовался за гостей Лифт Высокого класса. – Могу я предложить очередную партию в шахматы? Трое на одного, машина против человека! Нужно ум тренировать, чтоб невзгоды побеждать.

– Ой... – Брат и сестра обменялись быстрыми заговорщицкими взглядами. – Мы бы с радостью, но сегодня у нас не так много времени. – И почти хором добавили, давясь от распирающего смеха: – Новый планер обещали показать... и вообще!

Дмитрий вспыхнул, кулаком погрозив сразу обоим. А тактичный Рифмователь хоть и не совсем понял шутку, предпочел спешно сгладить возникшее напряжение:

– Не страшно, сыграем в другой раз! – Из стены с мягким шипением выдвинулась бело-снежная бочка холодильной камеры. – Тогда хоть угоститесь, прошу! Вчера здесь прошло заседание заботинского Общества любителей поэзии. Мои собраты по искусству принесли с собой свежайшую выпечку, качество которой все еще на высоте.

Камера открылась со звонким щелчком, явив взорам десяток пирожных и добрую треть пышного торта. Витька вежливо отказался, Настя поблагодарила и взяла самый крохотный эклер. Димка же, как был, босиком, с радостным воплем рванул к угощениям, наложил себе целую тарелку сладостей и сразу же забыл о подначках родных.

– Шпаибо, – пробурчал он с набитым ртом, возвращаясь на диван и улыбаясь в амбикамеры на стенах. – Итька, удь дугом, елай айку, аха?

Виктор, укоризненно покачав головой, все же вылез из удобного глубокого кресла и отправился в кухонную зону кабины заваривать чай. Звякнул чашками, украдкой осматриваясь – не пропало ли еще что-то из мебели или бытовой утвари.

– Скажи, Рифмователь, а как твои дела? – включая электрический чайник, словно невзначай осведомился мальчик, подняв голову к ближайшему микрофону. – Может, все-таки папе сказать, чтобы бригаду отправил?

– Да-да, Рифмователь, пожалуйста! Мы так за тебя волнуемся... – поддержала брата Настя, откусывая кусочек пирожного.

– Лукавить перед вами я не в силах, но к сердцу попрошу не принимать. – Камеры с жужжанием повернулись к ребятам, а из-под балкона задорно подмигнул серебристый огонек. – Биенье тока все сильнее в моих жилах, недуг прискорбный начинает отступать.

Дима что-то радостно проугукал, все еще жуя, а Витя и сестра недоверчиво переглянулись. Дело в том, что с момента недавней перекалибровки Лифт Высокого класса постигла... Скажем так – его постигла странная болезнь. Непредсказуемая, дающая о себе знать лишь временами, но от этого не менее неприятная.

В сознании разумного транспортного механизма поселилась еще одна сущность (у людей бы подобное назвали раздвоением личности), склочная и неприятная, которую сам Рифмователь именовал Сумраком. Узнав о ней, механики из отдела настройки процессоров только почесали в затылках. Пробубнили что-то про «модуляцию базисного эха» и удалились, заявив, что ничего не могут сделать, не навредив поэтическому таланту Лифта...

Так они теперь и уживались – дружелюбный жизнерадостный стихоплет и его тайное альтернативное проявление – мрачное, неприветливое и даже грубое. Ребята уже несколько раз порывались вызвать Рифмователю спецбригаду элитных техников из числа подчиненных Петра Петровича, но больной постоянно отказывался, раз за разом все настойчивее уверяя, что «недуг прискорбный отступает».

– Давайте-ка лучше послушаем, – примирительно предложил Лифт, заметив растерянность на лицах детей и ловко меняя тему, – что сегодня уготовано мне вашим притким разумом?

Витя вздохнул, в очередной раз отмечая, как много человеческого вложили в процессоры кабин их древние создатели (вам ведь наверняка знакома ситуация, когда друг болеет, но упорно отказывается идти к врачу – дескать, само пройдет?). Но мальчик все же налил заварившийся напиток, раздал чашки брату и сестре и повернулся к микрофону.

– На этот раз будет загадано слово «лампада», – торжественно произнес он и скривился, заметив довольную улыбку перемазанного кремом Димки. – А еще необычное слово «бдыщ». Если ты не против, конечно.

– Вот как! – воскликнул Рифмователь, включаясь в традиционную игру, которую они с близнецами вели уже несколько месяцев. – И вправду необычное словечко... Я не буду против! Дима, это ты выдумал, не так ли?

Димка засмеялся и фыркнул, отчего на ковер полетели крошки торта. Но честно закивал и принялся облизывать пальцы. Настя, совсем по-маминому вздохнув, взяла салфетку и стала собирать крошки. Рифмователь же, получив новое задание, на какое-то время задумался и замолчал, даже не двигая амбикамерами.

Гости попивали чай, наслаждаясь уютной тишиной, но через несколько минут Лифт снова подал голос. Его динамики выдвинулись из стен, а затем из них полился густой, хорошо поставленный голос механизма, знающего цену своему ораторскому искусству:

– Сказать, что сделали они, не хватит и баллады:

Сквозь мрак, сквозь страх, сквозь бдыщ и бам
Они врагам всем – по носам!
И вот под памятным Штыком горят ковром лампы...
А в город солнца свет пришел,
И счастье каждый в нем обрел!

Рифмователь замолчал, как артист, наслаждающийся произведенным эффектом. Настя со смехом захлопала в ладоши, Димка поднял к камере оттопыренный большой палец. Но Витя вдруг нахмурился, приподняв очки и потирая переносицу.

– Здорово, – многозначительно сказал он и натянуто улыбнулся. – Да только зачем снова про нас-то? Ты, Рифмователь, с любым словом справишься. Но почему тема каждый раз почти одна и та же?

– Потому что вы герои, – честно ответил Лифт, мигнув сразу десятком диодов встроенной бытовой техники. – Вы сделали то, что было не под силу нескольким поколениям взрослых спасгородцев. Совершили предначертанное.

– А мне нравится ощущать себя героем, – вставил Димка, пальцем счищая сладкий крем с опустевшей тарелки. – Сейчас, конечно, меньше с расспросами лезут. Ну и шумиха улеглась. Но заботинцы нас помнят. И не только они.

Настя настороженно молчала, не спеша включаться в этот непростой разговор. А Витя резко обернулся к брату, нацелив на него палец:

– Серьезно? Думаешь, поэтому наших лиц нет на Штыке Свободы? Том самом, под которым лампы горят ковром... Там только взрослые – Ходящие, словно они в одиночку свергли Смотрителей и разбудили Анализатор!

– Подумаешь, – легкомысленно отмахнулся Дима. – Мне и без того хорошо...

– А я считаю, что это несправедливо!

– Мальчики, не ссорьтесь, пожалуйста, – наконец не вытерпела Настя, ухватившись за шнурок школьной куртки. – Вить, давай дома об этом поговорим, хорошо? Димка, перестань его провоцировать...

– А чего он вообще?..

– Да просто ты не понимаешь ничегошеньки!..

– Каждый получает по заслугам, – из динамиков Лифта вдруг раздался сухой скрежещущий голос, от которого по коже побежали мурашки. – Да. Социальная справедливость, вот как это называется. Если бы вы погибли в Лаборатории, остались бы виноватыми. Но победу, особенно такую яркую и значимую, взрослые никогда не отдадут каким-то там школьникам...

Дети замерли на своих местах, испуганно обернувшись на объективы камер. Они уже слышали этот голос раньше, и всякий раз он не сулил беседе ничего хорошего. Сумрак, одно упоминание о котором причиняло Рифмователю душевную боль (если, разумеется, у Лифтов вообще есть душа), некстати выбрался на поверхность, оттеснив соседа по процессору. Витя, побледнев, но сориентировавшись раньше остальных, деловито поправил очки:

– Уважаемый Сумрак, не могли бы вы оставить нас и вернуть слово Рифмователю?

– А не мог бы ты, маленький гордец, признать, что сражение выиграли мятежники? – вопросом на вопрос ответила ему сущность, населявшая электронные мозги кабины. – Вы уже не сопливые детишки! Так что пора привыкать к суровой правде жизни. Несправедливой жизни, прошу заметить...

– Рифмователь! – Настя вскочила на ноги, запрокидывая голову, отчего коса шлепнула ее по спине. – Я знаю, ты меня слышишь. Сражайся. Не позволяй этому наглецу перехватывать управление!

– Ой, посмотрите-ка на эту отважную умницу, – теперь Сумрак говорил едко, вкладывая по граммму желчи в каждое слово. – А ты меня спросила, девочка? Может, это я тут старший, а ваш ненаглядный Рифмователь мешает мне нормально существовать?

– Если ты не уберешься прочь, – вздохнув, с нажимом произнес Дмитрий, – уже сегодня вечером сюда придут лучшие техники города...

– О, будешь сражаться со мной, как с мутантом псевдополя? – гадко хихикнул Лифт, а светильники на стенах убавили накал. – Нашли себе нового врага? Вы должны знать – я имею такое же право на жизнь, как ты, или Рифмователь, или эта истеричная девчонка!

– Сражайся, Рифмователь! – не обращая внимания на оскорбления кабины, продолжала звать Настя, вцепившись в завязки капюшона. – Ты сможешь его одолеть, если захочешь!

– Значит, когда от Лифтов ничего не зависит, нам можно угрожать? – злобно пробормотал Сумрак. – Шантажировать нас? Кичиться своим высоким положением? Нашлись герои, тоже мне...

Димка устало сполз с дивана. Его настроение окончательно испортилось, и мальчик отправился собирать раскиданные по холлу ботинки. Однако Витя не хотел уступать в споре с модуляцией базисного эха.

– К вашему сведению, да! – вспылил он, сжимая кулаки. – Мы и правда герои! Даже если мои... наши заслуги остались недооценены. Даже если о нашем подвиге не знает большая часть горожан. Мы многое сделали для Спасгорода, и вам прекрасно известен этот факт!

– Да-да, конечно же, маленький спаситель, мечтай-мечтай... – Если бы у Лифта было лицо, сейчас бы оно скривилось в презрительной гримасе. – Вы обыкновенные малолетние нарушители устоев и законов, в награду получившие бесполезные ключи от всех Лифтов!

Витька захлебнулся от негодования. Набрал побольше воздуха перед очередной тирадой, но Сумрак его опередил, срезав сухо и надменно:

– Вам подарили игрушки, настоящую силу которых знают лишь избранные. – И добавил, наводя амбикамеры на всю троицу: – Потому что детям всей правды знать не положено!

– Что же вы такое говорите? – расстроившись вслед за братом, прошептала Настя. – Витька, пойдем отсюда. Этому Лифту срочно нужна помощь...

– Пожалуйста, не надо, – пробился в динамиках слабый голос Рифмователя. – Замолчи, Сумрак. Уходи, прошу...

Однако Витя вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то интересному, и на уговоры сестры внимания не обратил. Затем вынул из-за пазухи ключ-карту, разглядывая устройство так, словно видел впервые. Крутанул на пятках, задумчиво направившись к внутреннему планшету протокольного доступа.

– Что вы имеете в виду? – спросил мальчик у Сумрака, заставив Настю и Димку удивленно замереть на месте. Они никак не ожидали, что брат вступит в полноценный диалог с безумной альтернативой Рифмователя. – Универсальные ключ-карты обладают дополнительными функциями?

Тогда Лифт рассмеялся.

Не задорно и легко, как обычно бывает при встрече старых знакомых... Тонко, злорадно и неприятно. Девочку от этого скрежещущего смеха бросило в дрожь, а Димка уронил ботинок, который собирался натянуть.

– Вы, мнящие себя спасителями человечества, ничего не знаете про Багряный Протокол? – вкрадчиво осведомились динамики кабины, а светильники и люстра совсем потускнели. – Так я и думал. Никто в городе, кроме избранных Лифтов и Смотрителей, не знает этой тайны...

Настя медленно, как во сне, повернулась к братьям. Девочка шестым чувством (со временем оно проявляло себя все сильнее) ощущала, что добром этот странный разговор с расслоившейся личностью не закончится. Но Витя, заинтригованный и поглощенный новой загадкой, уже стоял возле пульта управления кабиной.

– Хватит! – тусклый голос Рифмователя снова пробился через смех Сумрака. Преодолевая сопротивление соседа, он едва слышно продекламировал сквозь помехи и шум: – Есть тайны на свете, что трогать не смей – к могиле ведут те дороги; и если проснется серебряный змей, беда будет ждать на пороге...

На этом фраза оборвалась, словно Сумрак каким-то невидимым усилием окончательно загнал поэта в темницу цифровой души. Лифт мигнул диодами, но теперь их серебристое сияние не было радостным – оно казалось призрачным и неживым.

– Что такое Багряный Протокол? – строго спросил Виктор, не обращая внимания на предупреждающие взгляды остальных. – Ты Лифт, хоть и психованный. А значит, обязан подчиняться по уровню «Багратион», поэтому я приказываю тебе ответить на мой вопрос!

– Это будущее Спасгорода, – покорно ответил Сумрак, откровенно забавлявшийся беседой. – Его завтрашний день. Его наследие.

– Прекратите молоть чушь! – возмутилась Настя, понимая, что пришло время решительно вмешаться. – Вы оба! Будущее Спасгорода заключено в его трансформации и последующей колонизации поверхности. Очищенной от болезни, свободной и щедрой!

– Хи-хи-хи. Глупые детишки... – снова проскрежетали динамики, отчего не по себе делалось даже любознательному Витьке.

– Что такое Багряный Протокол? – все же переспросил он, стараясь говорить грозно и повелительно. Щеки его покраснели. – Отвечай по всей форме, без метафор!

– Любопытный, значит? – совершенно не спеша выполнять официальный приказ, продолжал издеваться Лифт. – Хочешь все-все знать... А не пожалеешь?

– Витя, не нужно с ним спорить, пожалуйста, – с придыханием попросила сестра. – Димка, собирайся быстрее! Мы уходим.

Димку упрасивать было не нужно – мальчик поспешно застегивал липучки на высоких голенищах ботинок. В кабине стало неуютно, сумрачно и тревожно.

– А если и так! – с вызовом бросил Виктор в потолок, не обращая внимания на волнение брата и сестры. – Я отдал тебе приказ! Выполняй!

– Так вставь свой чудесный ключ в планшет и задай вопрос по всей форме, – вкрадчиво и совершенно серьезно предложил Сумрак, заставив девочку застонать.

– Витенька, прекрати! – взмолилась она, бочком направляясь к дверям.

– Тсс... – отмахнулся брат, уже охваченный лихорадкой азарта. – Не мешай...

– Сумрак, прекратить голосовой контакт! – не сдавалась Настя, взывая к потолочным микрофонам. – О неподчинении этому приказу узнает наш отец! А ты в курсе, что он механик первого разряда...

Однако, по правде говоря, угроза звучала неубедительно. Как я уже упоминал, многие талантливые Смотрители в настоящее время находились под следствием и были отстранены от работы. А задействованные КорКомом механики за несколько месяцев так и не научились контролировать аномалию, поселившуюся в процессоре Лифта...

– Рифмователь, если ты меня слышишь – приказываю немедленно открыть кабину!

Настя уже сто раз пожалела, что забыла ключ-карту дома. Димка, прочитав ее мысли, торопливо рылся в школьном ранце, пытаясь отыскать свой универсальный пропуск под учеб-

никами. А склонившийся над планшетом Витька, забыв обо всем на свете, уже угодил в расставленную безумцем западню...

После известных событий полугодовой давности девочка пришла к выводу, что все люди делятся на две категории. Первая сама ищет приключений: рискует понапрасну, пытается привнести в свою жизнь больше адреналина, драйва, эмоций и острых ощущений. Вторую часть спасгородцев приключения находят сами – подхватывают своим буйным течением и волокут вперед, не позволяя даже оглянуться.

Наблюдая за тем, как брат вставляет ключ-карту в планшет Рифмователя-Сумрака, Настя мысленно ругала день, когда они втроем угодили во вторую категорию, позволив воплести свои судьбы в картину будущего всего города...

– Активировать Багряный Протокол, – негромко произнес Виктор в микрофоны планшета, утопив карту в пульте и кладя руки на тумблеры. – Ознакомительный режим, информацию – на центральный дисплей.

– Отменить последнюю команду! – тут же выкрикнула сестра, а Димка застыл, так и не нащупав устройство в недрах ранца. – Рифмователь, Сумрак, я приказываю...

– Начинаю активацию Багряного Протокола, – послушно, но с неприятным прохладным смешком отчеканил Лифт, запросто проигнорировав все неподкрепленные ключом команды. – Ознакомительный режим нефункционален. Провожу порядок действий согласно уровню «Багратион» с полным подчинением оператору.

Димка вскрикнул, поспешно вскакивая на ноги. Настя рванулась к Витьке. А тот отступил от планшетов на шаг, приоткрыв рот и уставившись на пульт управления так, словно сейчас должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, волшебное и доступное только посвященным...

Это, в принципе, и произошло.

Только вот случившемуся не обрадовался ни один из заботинцев, запертых в кабине Лифта Высокого класса.

Свет еще раз моргнул.

Лифт вздрогнул, и гости Рифмователя впервые за несколько месяцев услышали звук, который в Спасгороде многие считали утраченным навек, – где-то под полом вдруг заработали моторы. Раздался скрежет, с каким распахиваются старые проржавевшие ворота. Подвески светильников с перезвоном покачнулись. По планшету пробежала незнакомая комбинация темно-красных цифр и букв. И ребята испытали знакомое с младенчества ощущение, в которое еще долго не могли поверить, – кабина начала опускаться.

Глава вторая, *в которой раскрывается еще один замысел предков, а кое-кто знакомится с крайне необычным существом*

Первые несколько секунд происходящее никак не укладывалось в голове.

Схватившись за мебель, дети молча смотрели друг на друга, поражаясь, какими усталыми и мрачными стали лица в зловеще-серебристом потолочном свете. Скулы у всех троих окаменели, глаза заблестели в предчувствии страшного, кулаки непроизвольно сжались. Потому что наши герои точно знали – с весны этого года поляна Заботинск стоит на несокрушимой земной тверди, куда примостилась в День Трансформации, и никакого спуска *вниз* для любого из ее Лифтов не может существовать в принципе.

Но спуск происходил, в этом не оставалось сомнений.

Причем с каждой секундой падение ощущалось все отчетливее. Теперь это могли бы заметить даже мы с вами, не говоря про спасгородцев с их развитым вестибулярным аппаратом. Кабину Сумрака тряхнуло, по ее периметру что-то затрещало, а по планшету пробежала яркая торопливая надпись: «Экстренный запуск дополнительных тормозных устройств в условиях отсутствия системы тросов».

– Мы падаем! – воскликнула Настя, побелев от страха.

– Держитесь! – выпалил Витька. Сам он все же, не удержав равновесия, упал на ковер и пытался уцепиться за ножку дивана.

Скорость спуска плавно увеличивалась – об этом говорила растущая вибрация Сумрака, а также частый звон хрустальных подвесок на люстре. Девочка тоже пошатнулась, прыгнула в покачивающееся кресло и сжалась в комок. Димка, так и не застегнувший второй ботинок, распластался по дивану. Протянул руку брату, помогая ему забраться следом.

Сумрак рассмеялся. Едва слышно сквозь гудение мотора, но все равно отчетливо и мерзко. Рифмователь по-прежнему молчал, не в силах вмешаться в происходящее. Свет хаотично мигал, в кухонном уголке по столу начали с дребезгом скакать кружки и чайные ложки.

– Это невозможно, – пробормотал Димка, озираясь так, будто кабина могла вот-вот развалиться на куски. – Под Заботинском ничего нет!

По планшету пробежала еще одна предупредительная надпись: «Авария. Отказ первой тормозной установки». В это же мгновение Лифт чуть накренился, а тяжелая деревянная мебель стала медленно съезжать под балкон. Ковер сбился мягкими симметричными волнами, наползающими друг на друга. Одно из свободных кресел опрокинулось. С дальней стены сорвался светильник и разбился с оглушительным звоном. Настя закричала, Витя прикусил язык.

«Авария, – мелькнула на экранах пульта еще одна надпись. – Отказ второй тормозной установки».

Где-то снаружи, у самой внешней обшивки, что-то заскрежетало и взорвалось с глухим хлопком. Тут же запахло дымом, раскаленным металлом и горелой изоляцией проводов. Кабина снова накренилась, теперь на другой бок, и почти выровнялась, остановив перемещающиеся по Сумраку предметы интерьера.

– Прекратить выполнение протокола! – закричал Витька, с ужасом глядя на ключ-карту, все еще торчащую из прорези планшета. – Отменить спуск, активировать все тормозные двигатели!

Но Сумрак либо не слышал мальчика, либо не мог подчиниться его приказу, потому что системы Лифта одна за другой выходили из строя. Он еще раз рассмеялся, как сумасшедший, прыгающий со скалы в буйный океан, и вдруг его динамики резко замолчали.

– Рифмователь, немедленно останови падение! – громко, но с дрожью в голосе распорядилась Настя, однако новая команда тоже не возымела эффекта. – Человек в опасности!

«Отказ третьей тормозной установки, – пронеслась по дисплею строгая равнодушная надпись, заставив детские сердца оледенеть. – Рекомендовано приготовиться к неконтролируемому снижению и аварийной остановке».

Димка и Витя переглянулись, одновременно открыв рты и собираясь что-то сказать. Но в этот же миг кабина вдруг достигла конечной точки спуска. Удар был очень сильным, но не сокрушительным – все же смягченный четвертым, не успевшим выйти из строя тормозным устройством.

Скорлупа Сумрака-Рифмователя вздрогнула от днища до крыши. Мебель, посуда и картины на стенах сорвались со своих мест, визжащие ребята кубарем покатались на пол, а бледный свет окончательно погас. После надрывного рева двигателей, противного скрежета неисправных тормозов и непрекращающихся криков внутри стало так тихо, что можно было слышать собственные мысли...

– Все целы?! – в кромешной темноте, отчего казалось, что мальчик находится где-то далеко-далеко, спросил Димка, с кряхтением выбираясь из-под перевернутого дивана. Сам он здорово отбил правое колено, но мужественно терпел расползающуюся по ноге боль. – Витек, Настюха?!

– Я цела, – пробормотала сестра, кусая губу, чтобы не разреветься от страха и набитых шишек. – Только руку потянула и затылком ударилась...

– Я тоже цел... – ответил Витя, отлетевший куда-то к дверям (так, во всяком случае, казалось Димке, потерявшему в темноте всякое ощущение пространства). – Очки свалились, как бы не наступить... О, еще я лоб порезал. Наверное, стеклами от люстры...

Они завозились во мраке, еще опасаясь покидать свои места среди обломков мебели и рухнувшей балконной ограды. Дима дотянулся до ботинка, наконец-то застегнул липучки и первым рискнул подняться в полный рост. Он уже успел пожалеть, что так опрометчиво оставил ранец на полу, ведь в нем (тайком от родителей и даже от брата) хранил коробок спичек...

– Рифмователь? – спросил Витя тоном человека, не ожидающего положительного ответа. – Сумрак? Вы меня слышите? Приказываю установить голосовой контакт...

Но темнота разгромленной кабины, рухнувшей в неизвестность под Заботинском, ничего не ответила людям. Стало слышно, как хрустят битые тарелки под ногами Димки, осторожно пробирающегося к стене, в которой располагался планшет.

И когда уже казалось, что им придется оценивать ущерб от падения в непроглядной темноте, под потолком вдруг заработали тусклые аварийные лампы, питавшиеся от резервной батареи. В мерцающем красном свете учиненный в кабине разгром казался воистину катастрофическим – все было перевернуто вверх дном, громоздились груды переломанной мебели, балкон опасно накренился, и с него сыпались остатки посуды.

– Хвала Всемогущим Процессорам, – простионала Настя, садясь на скомканный ковер и потирая ушибленный локоть. – Все целы. Но что же мы наделали?..

Витька, не спеша вставать, осторожно пополз по полу, высматривая слетевшие очки. Поднял, придирчиво осмотрел треснувшее стекло и водрузил на нос. Его потряхивало от пережитого страха и постепенного осознания беды...

– Мы упали, верно? – спросил он, вставая, обходя перевернутое кресло и осматривая запертые двери Лифта. – Но каким образом?

– Вероятно, это и есть твой Багряный Протокол, – сердито прошипел Димка сквозь зубы, пытаясь определить степень повреждения пульта. – Доволен?

– Прекрати, Дима, – одернула его Настя, озираясь и теребя кончик косы. – Не время для ругани, не находишь?

– А может, Сумрак разыграл нас? – не ответив на колкость брата, Витя приложил ухо к дверной створке. – Тряхнул кабину, чтобы испугать, а Лифт все еще стоит на Заботинске?

В то, что каким-то образом Сумрак-Рифмователь действительно провалился под землю, рухнув под трансформировавшийся город, и правда верилось с трудом. Однако теория с имитацией аварии выглядела довольно уныло, и мальчик подавленно замолчал.

– Или под Спасгородом есть еще одна шахта, давняя и забытая, – подытожила девочка, сделав несколько пробных махов отбитой рукой, – в которую мы и сверзились.

– Быть такого не может! – фыркнул Дима, с тревогой косясь на едва живые аварийные светильники.

– И что же нам теперь делать? Димочка, что там с протокольным планшетом?

– Плохо все... – вздохнул тот с интонацией Петра Петровича. – Не отвечает Лифт. Электроника раскурочена, лампы вон наружу торчат... и побились почти все. Система перешла в спящий режим, вызвать Сумрака не могу. А Рифмователя и подавно. Судя по отчетам пульта, мы спускались на одной из четырех тормозных распорок, но и она при крушении отказала. Одно могу сказать точно – обратно нам на них не подняться.

– Браслеты! – вдруг выкрикнул Витя, заставив остальных вздрогнуть, до того резко и жутковато прозвучал в разгромленной кабине его звонкий голос. – Немедленно активируйте тревожные кнопки!

Воодушевившись, Настя спешно задрала рукав, сдвинула предохранительную панель и изо всех сил нажала на аварийную клавишу. Но браслет никак не отреагировал на нажатие, а его лампочки оставались погасшими. Тогда Димка, отвлекшись от изучения планшета, попробовал активировать свое устройство. И с огорчением покачал головой, подтверждая, что неисправен и второй браслет. По слабому стону от дверей они догадались, что ничего не добился и Виктор...

– Сигнала нет, – ответил он за всех троих. Еще раз поклацал кнопками. – Видимо, тот, кто настраивал систему, никак не мог предположить, что обладатели устройств, то есть мы с вами, окажутся так далеко от центрального ретранслятора...

– Это значит... – робко начала сестра.

– ...что мы совсем не на Заботинске, а где-то очень далеко от родной поляны, – закончил за нее Димка, со злостью посмотрев на брата – в полумраке был виден лишь его силуэт, поблескивающий стеклами очков.

В это мгновение все трое вспомнили про другие браслеты, носимые, казалось, в иной жизни. Про три Нянечки, кандалами повисшие на их ногах после приключений на Летней Ярмарке. И про экранированную комнату, куда ребят завели подсказки Создателя Снов и где блокировался сигнал следящих устройств.

– Значит, папа не сможет нас найти? – спросила Настя, бессильно уставившись на запястье, где темнел ободок бесполезного браслета.

На это никто не ответил, да и необходимости не было. Мальчики замолчали, вернувшись к прежним занятиям: сопя под нос, Димка изучал разбитый планшет, а Витя все еще пытался подслушать, что происходит за дверью. Но девочка не собиралась горевать в тишине.

– Не молчите, пожалуйста, – взяв себя в руки, изгнав из голоса дрожь и страх, попросила она. – Какие будут мысли? Что нам делать?

– Верно, – поддержал Витя, несколько раз глубоко вздохнув и чуть не закашлявшись от висящей в воздухе пыли. – Главное, не терять головы! Я уверен, нам нужно покинуть кабину. Если сможем вызвать помощь, Рифмователя починят и мы сможем вернуться.

– Покинуть кабину? – презрительно протянул Димка. – Да ты хоть представляешь... Ай! – Он случайно соединил два оголенных проводка и обжегся вспыхнувшей искрой. – Ты хоть представляешь, что будет, если мы, например, лежим на дне подземного озера, а? Откроем дверь, и тью-тью...

– Мамочка, – прошептала Настя, ужаснувшись нарисованной воображением картины.

– Есть другие варианты? – спокойно, по-прежнему не реагируя на нападки брата, спросил Витя. – Ждать, пока внутри кончится кислород и мы задохнемся?

Он отступил от дверей, повернулся, и Настя с Димкой увидели темное подсыхающее пятно у него на лбу, напоминающее кляксу. Настя ойкнула и сразу встрепелась. Усадила раненого на пол, суетливо заметалась вокруг, выискивая школьный ранец. Нашла, вынула сумочку с аптечкой первой помощи. Достала бинт, бутылочку с обеззараживающей суспензией и принялась осторожно обрабатывать порез, несмотря на шипение пациента и его попытки вырваться.

– Вот ты ду-урень, Витька, – с досадой, но уже без прежнего ожесточения бросил Димка, наблюдая, как девочка стирает кровь и промокает царапину. Его прическа в стиле воздухоплателей растрепалась, отчего волосы непокорно торчали во все стороны. – Святые-платы, ну вот кто тебя просил вступать в контакт с этим придурочным Сумраком?

Виновник активации протокола насупленно молчал, не спеша ни оправдываться, ни переходить в ответное наступление. Настя вздохнула – было заметно, что внутренне она на стороне Димки, но высказывать критику не спешит, чтобы не накалять и без того непростую обстановку.

– Еще раз прошу, давайте не будем ссориться, – тактично попросила она, наконец оставив сочащуюся из пореза кровь и залепив рану пластырем. – А если выбирать, то я за решение открыть двери. Тут мы точно пропадем, без сигнала-то. А снаружи может найтись помощь. Или внешний пульт управления Рифмователем.

– Значит, двое против одного? – Дима пожал плечами. – Как скажете. Если станем тонуть, не жалуйтесь потом... Но спешить не советую, дайте хоть собраться.

Он принялся бродить по разоренной кабине, время от времени нагибаясь, чтобы спрятать в карман куртки какую-нибудь полезную, с его точки зрения, вещь. Нашел отлетевший под балкон ранец, выложил учебники и тетради на покосившийся кухонный верстак.

Витька, освободившийся от сестринской опеки, направился к пульту управления Лифтом. Потирая переносицу, он на какое-то время застыл, пытаясь определить, какие механизмы отвечают за принудительное открытие створок. В конце концов, папа тройняшек был механиком далеко не самого последнего класса и многому успел обучить своих детей.

– Я смог восстановить контур, – наконец объявил мальчик, привлекая внимание остальных. – Система аварийного вскрытия функционирует. Вроде бы... Вы готовы?

– Нет, – с резиновой улыбкой ответила Настя. Она, по примеру брата, тоже выложила свои учебники, вместо школьной канцелярии затолкав внутрь легкий плед. – А что это меняет?

Он вздохнул, пожимая плечами и молча соглашаясь с риторическим вопросом. Затем повернулся к Димке, тот угрюмо кивнул – давай, мол, раз решили...

Шагая по обломкам, девочка подошла к Дмитрию. Взяла его за руку, силой увлекая к пульту, где другой рукой вцепилась в Витину ладонь. Тот попытался ободряюще улыбнуться обоим, но вышло не очень. Тогда он осторожно потянул за П-образный рычаг, спрятанный в укромной нише слева от дверей.

В недрах Рифмователя что-то щелкнуло, заурчало, загудело с нестерпимой натугой. Несколько длинных секунд ничего не происходило, и Витя уже почти разорвал живую цепь, чтобы направиться обратно к планшету и заново проверить контур. Но тут над входом вдруг вспыхнул одинокий серебристый диод. Аварийные лампы судорожно моргнули, а затем в стене заработали поршневые системы, отвечающие за герметизацию кабины. Со скрежетом и лязгом деформированные при падении створки Лифта Высокого класса начали раздвигаться.

Чего ожидали наши герои в тот момент? Сложно сказать.

Может быть, пенной ледяной волны, врывающейся внутрь и сметающей все на своем пути. Может, облака удушливого подземного газа, забивающего нос и глаза. Может, и вовсе

зрелища пенно-бетонной стены, наглухо запечатывающей проход. Но когда дверь открылась (не до конца, максимум на две трети), все трое тихонько охнули, невольно придвигаясь друг к другу под порывом холодного затхлого ветра, ударившего снаружи.

Привыкшим к бедному аварийному освещению кабины, сначала им показалось, что за порогом клубится крошечная тьма. Однако спустя бесконечную минуту, проведенную в молчании и страхе, ребята начали различать отдельные детали и убедились, что вне Лифта вовсе не так темно, как им представлялось.

Стараясь не наступать на стеклянные осколки, чтобы случайным хрустом не нарушить гипнотизирующую тишину, Витька шагнул вперед. Осторожно выглянул. За ним, побоявшись расцепить руки, потянулись остальные.

– Что же это за поляна такая? – едва слышно прошептала Настя. А может быть, вовсе не прошептала... но, как обычно в моменты стресса, ее мысли стали для братьев объемными и почти физически ощутимыми. – Вы только посмотрите на это...

И они посмотрели. С замиранием сердца, ошеломленные и подавленные, трое потерпевших лифтокрушение жадно впитывали необычную картину, открывшуюся за дверью Рифмователя.

На первый взгляд место, куда рухнул Лифт, действительно напоминало поляну – тот же высоченный потолок, теряющийся во мгле; те же границы обитаемой зоны, едва различимые вдаль. Но на этом сходство с этажом Спасгорода заканчивалось, и первым это осознал Виктор. Он прикусил губу, щурясь и досадуя на испорченное зрение, а затем в полной мере оценил масштабы случившейся катастрофы.

– Это что, пещера? – на выдохе прошептал мальчик, хотя все было понятно без слов.

Дверь шахты действительно выводила в пещеру – огромную, больше самых просторных полян города. Дно ее, словно суповая тарелка, плавно выгибалось, по периметру переходя в стены и куполообразную крышу. Во многих местах своды поддерживались здоровенными неохватными колоннами. Они напомнили спасгородцам родные шахты, но даже после поверхностного изучения стало ясно, что образованы столбы вековыми сросшимися сталактитами и сталагмитами.

Из цветов в окрасе скальной породы преобладали желтый, коричневый и серый. Когда глаза заботинцев привыкли, выяснилось, что освещение гроту дают масштабные колонии оранжевой люминесцентной плесени, густо покрывавшей потолок, и свисающие с него гроздьями каменных сосулек.

– Вот это да... – только и смогла охнуть Настя, прижимая ладони к лицу. – Красотища-то какая...

С этим утверждением было сложно поспорить – вид титанической пещеры, ее величественных столбов, подпиравших потолок, и светящихся в полумраке грибковых плантаций (наши герои сразу вспомнили о Грибнице, причем не без дрожи) внушал бесконечное уважение и трепет перед силами Природы.

По дну котловины, неровному, имевшему холмы, скалистые нагромождения, ложбины и даже опасные расщелины, плотными кучками рассыпались лесные рощи. Однако стоило приглядеться, и становилось понятно – они не имеют никакого отношения к настоящим деревьям, опоясавшим Спасгород за годы его консервации. Это казалось вполне логичным, ведь для фотосинтеза растениям нужен солнечный свет, которого в пещере не было отродясь...

В отличие от своих собратьев на поверхности, местные деревца больше походили на кораллы (ребята видели их фрагменты в музее естествознания), настоящие осины, березы или тополя напоминая лишь причудливыми ветвистыми очертаниями. Время от времени где-то в чащобе коралловых зарослей обрывалась ветка, и тогда до детей долетало приглушенное трескучее эхо.

Влажность, висящая в воздухе, указывала, что неподалеку находится источник открытой воды. Слева, жутко перепугав ребят, с пронзительным посвистом пронеслась стайка мелких летучих существ, не позволивших себя рассмотреть. Пещеру вообще наполнял целый хор различных звуков, от далекого скрежета до шипения. Однако километры грунта над головой заставляли мозг верить, что вокруг стоит могильная тишина, от длительного пребывания в которой даже закладывало уши.

– Смотрите! – Свободной рукой Димка указал куда-то вправо, на ближайшую стену огромного подземного зала. – Это же механизмы...

Настя и Витя, проследив за его жестом, только вздохнули.

Потому что сами убедились, что в создании пещеры действительно поучаствовал человек. То здесь, то там стены были укреплены мощными бетонными и металлическими заплатками, вбитыми в скальную породу с помощью великанских болтов, изогнутых костылей или заклепок.

В местах, где своды могли дать трещину, разрушение границ грота сдерживали огромные медлительные пневматические поршни и прессы, питаемые от старинных паровых установок. Часть из них давно не работала, что позволило десятку заплат ввалиться внутрь. Но кое-где агрегаты еще функционировали, а по ржавым подземным трубам в их котлы до сих пор поступала горячая вода вулканических источников. Манометры, различные датчики, барометры и циферблаты планшетов покрылись основательным слоем светящейся плесени и даже завитками кораллов.

– Разумно предположить, – прошептал Витя, нервно поправляя очки, – что шахта Рифмователя была подведена сюда не просто так. Возможно, мы имеем дело с одним из резервных хранилищ, построенных до Болезни.

– Значит, есть и еще шахты, – с уверенностью, которой не испытывала, тихонечко констатировала Настя. – Давайте осмотримся? Все равно надо выбираться...

И они по очереди пролезли в приоткрытые двери кабины, завертели головами и стали снаружи изучать шахту Рифмователя. Неровной бугристой спицей она убегала к далекому темному потолку, издали похожая на одну из природных колонн. Стекающий по ее стенам соляной раствор за годы затвердел, превратившись в грубую шероховатую броню, покрытую мерцающими пятнами грибка.

Вокруг входа, как оказалось, росли коралловые деревья – судя по виду, их плотные ряды обступили колонну давным-давно. Расчищая себе место, Димка небрежно смахнул несколько веток, и они с мелодичным хрустом упали на укрепленную бетоном площадку.

– Выходит, мы все-таки под Заботинском... – устало произнес Виктор, обхватывая себя за плечи и стараясь не наступать на хрупкие стекловидные ветки. – Осталось понять, как глубоко...

И он, чуть шевеля губами, принялся подсчитывать в уме время, потраченное на спуск, и примерную скорость кабины, с которой та совершала падение. Глаза его за стеклами очков округлились, и он пересчитал еще раз, подставив в уравнение более щадящие условия. Однако и после этого получившаяся цифра настолько потрясла мальчика, что он даже не осмелился произнести ее вслух.

– Не томи, Витек, – заметив его неуверенность, негромко попросил брат. – Далеко занесло?

– Очень, – только и смог ответить тот. – Считайте, что спуск от Заботинска на Реакторную Станцию был прогулкой в соседний двор...

Димка побелел, а Настя прикусила дрогнувшую губу. Если в прошлом судьба забросила их далеко от дома, но хотя бы в пределах родного города, то случившееся этим днем вообще не укладывалось в голове. Витя вздохнул, всматриваясь в мрачные недра Рифмователя.

– Выходит, Багряный Протокол предусматривает спуск в подземелья Спасгорода? – предположила Анастасия, ежась от гудящего в коралловых кронах прохладного ветерка. – Причем только после исполнения протокола «Возрождение»?

– Вероятно, да, – ответил Виктор, привставая на цыпочки и пытаясь осмотреться вокруг, чтобы понять, как далеко простирается окружившая шахту роща. – Неужели тут когда-то тоже жили люди?..

– Вон ответы, на стенах паром шипят... – Дима усмехнулся, привычно маскируя нервозность бравадой. – Труженики разработали Трансформацию так, чтобы поляны опустились на заранее подготовленные позиции, где Лифты смогли вступить в контакт с новыми шахтами...

– ...о существовании которых, – закончил за него Витя, – если верить Сумраку, знают только избранные Смотрители. А их как раз пересажали в тюрьмы.

– Если эти предположения верны, – задумчиво произнесла Настя, переминаясь с ноги на ногу, – должны быть и другие шахты. Может, такие же, как эта: незаметные и похожие на природные столбы.

– Значит, – в Димкином голосе наконец-то зазвучала настоящая уверенность, – остается их найти!

И он активнее захрустел ветками, нещадно обламывая изящные наросты в поисках пригодного прохода через чащу. Настя, поморщившись от громкого треска, настороженно заозиралась – опыт прежних посещений запретных полей и сопряженные с этим опасности давали о себе знать...

– Вот! Можно здесь пролезть, – забрасывая на плечи ранец, констатировал мальчик. – Только куртки не порвите, эти кусты очень колкие, я уже палец порезал...

– А может, нам все же... – Настя осеклась на полуслове.

Девочка знала, что оттягивать путешествие в глубь таинственной пещеры можно бесконечно. Но раз уж решение принято, отступать поздно. Все трое понимали: когда обнаружат их исчезновение и отсутствие сигнала браслетов, первым делом бросятся прочесывать дикие леса вокруг города. И вряд ли кому-то придет в голову, что дети в прямом смысле слова провалились сквозь землю.

А потому разбитую кабину придется оставить и все делать самим. Как раньше, когда от их поступков зависела жизнь... Настя помотала головой – забудьте, братики, не важно – и, скрепя сердце, двинулась за Дмитрием. Вдруг остановилась и резко обернулась:

– Вить, ты только ключ не забудь, ради Всесильных Процессоров!

Брат, вовремя спохватившись, вернулся в кабину, боязливо и настороженно, словно входил не в Лифт, который они покинули пять минут назад, а в логово чудища, где может поджидать нечто страшное. В тусклом свете аварийных ламп (почти погасших, батареи разряжались на глазах) мальчик добрался до пульта и осторожно вынул ключ-карту.

– До свиданья, Рифмователь, – прошептал он в микрофоны планшета, точно зная, что приятель-стихоплет его не слышит. – Держись. Мы обязательно приведем помощь...

И поспешил за остальными, уже начавшими продираться через колючие заросли. Димка, умудрившийся-таки изорвать куртку, шел первым, натянув капюшон и всем телом расчищая проход. Настя двигалась следом, аккуратно обламывая мешавшие веточки. Витя, в последний раз обернувшись на разбитый Лифт, тоже направился в рощу.

Кораллы были невысокими, едва ли в рост взрослого мужчины. Но для нашей троицы они несколько утомительных минут казались непроходимыми дебрями, в которых можно запутаться без шансов на освобождение. Однако в конце тоннеля рано или поздно всегда брезжит свет, согласны? И вот уже Дима шумно вывалился на открытое пространство. Отряхнулся, отцепляя от волос мелкие коралловые веточки и оттирая со щек пятнышки липкой прозрачной смолы, сочащейся из сломов.

«Лесок», как оказалось, покрывал вершину покато́го холма, в макушку которого и упиралась массивная шахта Рифмователя. Открывшийся с его высоты вид впечатлил ребят еще сильнее, заставив застыть и даже приоткрыть рты. Казалось, они угодили в кусок нормального застенного мира, по какой-то непонятной причине накрытого каменной полусферой...

Неподалеку слева шумел водопад, пенно рушась в небольшое озеро. Из него к центру грота устремлялась вертлявая речушка, то и дело сверкавшая меж серых скал. Переливающиеся фиолетовым и охровым ро́щи кораллов на склонах пульсировали волшебными волнами. Стайка летучих зверушек, бледно-черных, кожистых и большеухих, со свистом пронеслась над головами ребят. Уселась на ветках ближайшего леса и принялась с интересом и без страха рассматривать чужаков.

Удивительные просторы гигантского подземного грота казались непривычно первозданными – даже несмотря на паровые машины и иные следы цивилизации, – без резино-асфальта под ногами, многочисленных предупредительных надписей и аббревиатур, вышек аварийного оповещения или потолочной системы Светоча они выглядели забытыми, дикими и словно обнаженными.

– Тут действительно красиво, – завороченно пробормотала Настя, но Димка одернул сестру, не позволив в полной мере насладиться величием пещеры.

– На Радиаторе тоже было красиво, – угрюмо хмыкнул он, посасывая уколотый палец. – Предлагаю идти вон на ту колонну. Может, это тоже замаскированная временем шахта?

– Остается надеяться, – негромко прокомментировал Витя, печально ссутулившись (он понимал, что катастрофа произошла во многом по его вине, и никак не мог избавиться от этого гнетущего чувства), – что древние механизмы вызова еще работают и подчиняются современным протоколам...

Сестра вздрогнула, с предельной горечью осознав, что единственным выходом из сложившейся ситуации стал бы контакт с исправным Лифтом, готовым подчиниться приказу ключ-карты. О том, что случится, если такого Лифта в подземелье больше нет или он откажется спускаться за пассажирами, девочка не хотела даже думать...

Уходить, оставляя за спиной коралловую ро́щицу и распахнутые, словно рот в немом крике, двери Рифмователя, было по-настоящему жутко. Пусть кабина Лифта стала темной, разгромленной и молчаливой, но она все еще являлась кусочком родного мира, к которому так привыкли трое юных заботинцев. Удаляясь от шахты, с каждым шагом они все острее ощущали, как теряют что-то личное, любимое и безопасное, пусть даже эта безопасность обманчива...

Вообще-то за последние месяцы дети несколько раз выбирались с отцом за пределы Нового Спасгорода. Ходили на экскурсию в один из колонизационных лагерей, где велись работы по приручению диких лошадей, заповнивших ближайшие равнины. Ребята до сих пор помнили тот страх *пересечения границы*, тот холод в животе, то оцепенение и фатальное ощущение, что привычный мир окончательно изменился. Сейчас, вышагивая цепочкой по склону холма и стараясь не отступить, все трое единодушно согласились, что пережитый тогда страх был полной ерундой по сравнению с тем, что окутывал их сейчас.

Но они были обязаны двигаться вперед.

И поэтому шагали сосредоточенно и молча, как идущие на битву солдаты.

Шумела речка. У подножий коралловых деревьев росли плантации грибов с широкими мясистыми шляпками, бледных и неприятных на вид. Пересвистывались в полете маневренные крылатые зверьки, одновременно похожие и не похожие на птиц. При виде их по спинам наших героев бежали мурашки – ведь врожденный генетический страх спасгородцев перед летунами невозможно искоренить за несколько месяцев робкого обитания вне стен...

Влажная затхлость молниеносно сменялась прохладой, когда через пещеру проносился порыв ветра. Покачивались и хрустели ветки кустов. В их обманчивых полутемных зарос-

лях время от времени мелькали юркие животные, которых Витя определил как «что-то вроде крыс» (в биологическом смысле слова, а не том, что до недавнего времени соответствовал обитателям Спасгородской Свалки). Дважды путешественники перепрыгивали через звонкие ручьи, впадавшие в реку, теперь текущую справа от ребят. Дно пещеры местами казалось твердым, как железная плита, но кое-где подошвы ботинок увязали в рыхлой глине светло-коричневого цвета. Над головами нежными волнами переливались сказочные колонии плесени.

– Ни в коем случае не шумите, – предупредил Виктор, когда они сделали короткий привал, чтобы перевести дух и осмотреться. – Наличие летучих зверьков говорит о существовании подземной фауны. А в ней, как мы все знаем из уроков биологии, могут встречаться хищники...

Настя вздрогнула, в волнении затеребив кончик косы. Димка взглянул на густую стену коралловых деревьев так, словно оттуда на него собирался броситься незнакомый зверь. С тем, что нужно вести себя тихо и незаметно, были согласны все – предыдущие приключения, в большинстве своем крайне опасные, приучили близнецов к тишине и аккуратности. Особенно в чужом месте, таком необычном и непредсказуемом.

Передохнув, ребята медленно двинулись дальше, ориентируясь на выбранную Димой бугристую колонну, возвышающуюся впереди. И буквально через три минуты похода смогли убедиться, что Витькины слова про подземных хищников оказались по-настоящему пророческими...

– Святы-платы, – охнул Димка, шагавший первым. И рывком отпрянул, запоздало утягивая брата и сестру в густую тень кораллового кустарника. – Вы видели?!

Да, они успели заметить, хоть и мельком, – и круглую прогалину, окруженную скалами, и необычно-массивное для кораллов дерево, изогнувшее хрупкий ствол под весом ноши, и веревочную сеть, грубую и прочную, и необычного полосатого зверя, обернутого этой сетью и подвешенного в паре метров над землей. Опускаясь на корточки и отползая с поляны, куда их вывела тропа, заботинцы обменялись красноречивыми взглядами.

– Даем деру? – прошипел Дима, оглядываясь и деловито выбирая путь отступления.

– Поздно... – Настя прислушалась к протяжному скрипу веревок, натянутых под весом лохматого пленника. – Оно нас заметило!

– Это то, что мне показалось? – потрясенный Витя наконец обрел дар речи, осторожно выглядывая на поляну. – Димка, это же силоч! Точно он! Смотри, настоящая охотничья ловушка!

Теперь это стало очевидно и для остальных. Сетка, до поры замаскированная пылью и обломками кустов, в свое время лежала на земле под массивным деревом, удерживаемая хитроумной системой веревок и пружинящих ветвей. Когда зверь вошел в ее границы и тронул приманку, ловушка взлетела в воздух, пленив животное, заставив его сложиться почти вдвое и лишив подвижности...

Оно, кстати, как и предположила девочка, на самом деле учуяло ребят. Изворачиваясь и раскачивая веревочный мешок, животное тонко заскулило, косясь на людей. Лапы зверя были неудобно поджаты, равно как и пушистый хвост, лишь самый кончик которого смог высвободиться из мягкой клетки и теперь яростно хлестал воздух. Узник все порывался выпустить внушительные когти и дотянуться ими до пут, но лишь сильнее затягивал сеть. Вертикальные зрачки миндалевидных ярко-зеленых глаз расширились, будто животное пыталось что-то сказать.

– Точно заметило нас... – пробубнил Димка. Осмотрелся, не заметив ни охотников, выставивших силоч, ни другой дичи. Встал в полный рост и бесстрашно подмигнул животному. – Вон как пырится, аж жуть берет...

– Что это за зверь такой? – с интересом протянул Витя, обращаясь к самому себе. Он украдкой выбрался на поляну вслед за братом и принялся разглядывать крепкое полосатое

туловище, туго перетянутое веревками. – Похож на кошку. Вроде рыси, которую колонисты в лесах нашли...

– Только больше вдвое. И еще клыки у твоей кошечки до груди. И раскраска полосами, чтобы в скалах маскироваться, – с иронией, за которой скрывались неуверенность и опаска, хмыкнула сестра, тоже выходя из кустов. – А взгляд такой добрый-добрый, прямо лапочка...

Зверь, белоснежные клыки которого действительно весьма агрессивно выступали за нижнюю челюсть, вдруг снова заскулил. Словно пытался подтвердить сказанное девочкой, отчего Насте сделалось не по себе.

– Я, знаешь ли, и не говорил, что оно неопасно. – Витька показал сестре язык. – Просто подвид какой-то необычный, я такого даже на картинках не видел. На тигра похож из каталога вымерших животных, но отдаленно...

– Конечно, оно опасно, – Димка дернул подбородком, разглядывая остальных так, словно сомневался в их умственном здоровье. – А чего бы иначе его связали, да так плотно?

Животное, покачиваясь в сетчатом коконе, застонало с жалобными, почти человеческими интонациями. Настя поежилась, отказываясь верить ушам, а мальчишки обошли поляну, стараясь выдерживать дистанцию и не приближаться к силку ближе необходимого.

– Аккуратней, Витек, – со знанием дела произнес Дима, рассматривая почву перед каждым новым шагом. – Вдруг тут еще ловуш... Ух ты, смотрите!

И он торопливо нагнулся, поднимая из-под ноги предмет определенно рукотворного происхождения. Вернулся к остальным, с гордостью протягивая находку – потертый черный ремень, на внутренней стороне которого крепился пяток странных круглых датчиков, а возле пряжки располагался жестяной динамик с облезлой краской. Виктор, выхватив пояс у брата, тут же принялся с горящими глазами изучать трофей.

– Любопытная конструкция, – задумчиво пробормотал он, ковыряя датчики ногтем и прощупывая внутреннюю начинку устройства. – Совсем не похоже на изделия спасгородских заводов. Но и своеобразного изыска не лишено...

Поднес ремень к глазам, приспуская очки на переносице, и в этот момент Настя потянула его за рукав:

– Витенька... посмотри-ка на нее! – И мягко развернула брата лицом к здоровенной кошке, засунутой в столь же здоровую авоську. Извиваясь так, что веревки обдирали ей морду, зверюга с мольбой взглянула на мальчика... на прибор в его руках, а затем коротко и звонко тявкнула. – Мамачка родная... Она что, понимает нас?

Кошка тявкнула еще раз – глухо и жалобно. Димка недоверчиво отступил к тропе, а Витька чуть не выронил ремень. Какое-то время на пещерной поляне стояла тишина, в которой было слышно, как скрипят веревки и насвистывает ветер, прячущийся в потолочных каменных сосульках.

– Ты нас действительно понимаешь? – наконец спросил Витя, не отрывая взгляда от изумрудных глаз животного. Кошка попыталась кивнуть, но вместо этого лишь еще сильнее закрыла сеть.

– Это невозможно... – прошептала девочка.

– Мы, сестренка, такое повидали... – так же негромко ответил ей брат, заметив, как чутко встрепенулись мохнатые уши пленницы. – Оно тоже невозможным считалось. Димка, тебе тоже кажется, что это животное умоляет его освободить?

– Кажется, – сдерживая дрожь в голосе, ответил брат. – Но кто на его месте не умолял бы?

– Неразумный зверь, – задумчиво пробормотал Виктор. – Помнишь рысь, что поймали колонизаторы? Она забилась в клетку и только шипела. Никакой мольбы, никакого желания идти на контакт. Ты ведь не такая, верно?

Последний вопрос предназначался саблезубой узнице, подвешенной над землей. Та дождалась, пока сеть раскрутится так, чтобы было снова видно людей, и кивнула, сделав это до того осмысленно, что детей пробил озноб.

– И если мы тебя отпустим, ты не причинишь нам вреда, верно? – настойчиво спросил Витя у животного, не обращая внимания, как негодуя зашипела сестра.

– Ты спятил, Витек? – Димка фыркнул. – Ради чего такой риск вообще? Или ты клыков не заметил?

– Риск ради нашего спасения. – Сказано было спокойно и громко, чтобы слышали все четверо. – Потому что, если мои догадки верны и это существо разумно, оно может помочь нам выбраться отсюда. Это правда?

И снова последний вопрос адресовался зверю. И снова тот кивнул, едва слышно мяукнув. Настя охнула, отходя на пару шагов и теребя завязки на вороте куртки.

– И ты ей веришь? – горячо прошептала она, стараясь не встречаться с кошкой глазами.

– У нас нет выбора, – покачивая в ладони необычный ремень с динамиком, подытожил Витя. – Это первое разумное существо, встреченное после катастрофы. Причем попавшее в беду. Можем установить контакт. Или встретиться с теми, кто придумал силок...

Услышав последнюю фразу, мохнатый комок в веревочной тюрьме задержался так сильно, что чуть не задушил сам себя. Тяжело дыша, кошка прекратила попытки вырваться, глядя на людей с печальной обреченностью.

– М-да... охотников зверушка по понятным причинам недолюбливает. И нам, кажется, советует относиться к ним так же. И все равно, не доверяю я ей... – Дима неспешно обошел вокруг силка, рассматривая его со всех сторон и будто бы выискивая подтверждения своему недоверию. – Вот скажи, Витек, ты про разумных кошек что-то слышал вообще?

– Я и про оборотней до недавнего времени не слышал. – Брат продолжал упорно гнуть свою линию, все еще взвешивая необычное ремнеподобное устройство в руке. – Димка, мы сможем развязать веревки?

– Сможем-сможем. – Мальчик взлохматил шевелюру, неохотно сбрасывая заплечную ношу и откидывая черно-желтую крышку ранца. – Настюха, ты бы пока за кусты спряталась. – Он поковырялся в ранце, вынул вторую ключ-карту и решительно протянул ее девочке. – Если что, беги куда планировали, ладно?

Но та лишь смерила его испепеляющим взглядом, в котором явственно читалось, что она такая же участница событий, как и мальчишки, и совсем не нуждается в излишней опеке. Даже если решение Витьки приведет к неприятным последствиям...

– Ну что, ты точно знаешь, что делаешь? – спросил Дима у брата, доставая из недр ранца завернутый в полотенце кухонный нож, благоразумно прихваченный из обеденной зоны разбитого Рифмователя.

– А хочешь сам принять решение? – вопросом на вопрос ответил Витя, вытирая вспотевшую ладонь о штанину и стараясь унять дрожь в коленках. – Бросить зверя умирать или освободить, а?

– Нельзя его бросать, – негромко и жалобно вставила Настя из-за их спин. – Мы и так Рифмователя оставили, мне до сих пор не по себе...

– Ну и славно, – проворчал Дмитрий, поудобнее перехватывая нож и подступаясь к веревкам, уходившим в коралловую крону. – Опять двое против одного, меня не спросили. В общем, товарищи, я вас предупредил – потом не жаловаться...

И не успели ребята передумать или ответить, а разумная кошка сгруппироваться, как мальчик привстал на цыпочки и ударил лезвием по натянутым веревкам, рассекая силок. Раздался хруст, затрещали ветки. Мешок и угодившее в него животное грохнулись на твердую почву, подняв облако пыли. Наблюдая, как зверь поднимается на ноги, разминая затекшие мышцы, дети невольно подались в стороны. Предположение о том, что пленник понимает чело-

веческую речь и только поэтому будет готов помочь путешественникам, уже не казалось таким логичным и привлекательным...

Грациозно, как умеют только представители семейства кошачьих, саблезубая зверюга выскользнула из разрезанного мешка. Встряхнувшись, не очень-то довольный махнув пушистым хвостом.

Вблизи стало заметно, что шерсть зверя серо-коричневая, с частыми змеевидными полосами на спине и плечах. В холке он почти доходил до подбородка любому из близнецов. Освобожденный обвел оцепеневших ребят взглядом завораживающих зеленых глаз... и вдруг поклонился Витьке, вытянув передние лапы и низко склонив лобастую голову.

– Чего это он? – прошептал Димка, все еще выставив перед собой нож, которым перерубил веревку.

– Как «чего»? – с восхищением в голосе ответила сестра, вцепляясь в его свободную руку. – Видишь, он же благодарит! Витя был прав, животное разумно!

Завершив царственный поклон, гигантская кошка медленно, чтобы не спугнуть освободителей излишне резким движением, опустила на задние лапы, плавно обернув их хвостом. Неспешно, с легкой насмешкой покосилась на Диму и Настю, а затем внимательно уставилась на ремень в руке Виктора. И легко махнула левой передней лапой – совсем как наши с вами домашние кошки, когда хотят поиграть. Мальчик оставался неподвижен, все еще не веря случившемуся.

– Витек... – просипел его брат, у которого мгновенно пересохло в горле. – Кажется, ему нужна эта штуковина...

– Ну конечно! – наконец сообразил тот, взглянув на найденный под кустом прибор изумленно и восторженно, словно впервые. – Это вовсе не ремень. Это ошейник!

Кошка, сидевшая возле распутанного веревочного мешка, важно кивнула, подтверждая догадку. Привстала, сделала несколько мягких шагов вперед и демонстративно наклонила голову, повторно подставляя загривок. Задержав дыхание от страха и торжественности происходящего, Витя подался навстречу животному.

Стараясь не дергаться и не дрожать, надел ошейник, не без опаски залез руками под вытянутый подбородок зверя (и даже ненароком коснулся длинных клыков), где торопливо застегнул пряжку. От животного пахло дико, непривычно, но приятно, а вблизи шерсть оказалась настолько мягкой и шелковистой, что так и манила погладить.

– Ты этого хотела? – негромко спросил мальчик, отодвигаясь и косясь на брата и сестру, бледных от переживания. – Вот твой ошейник. Довольна?

Зверюга, снова усевшись и обернув лапы хвостом, открыла пасть, словно намеревалась широко, во все громадные зубы улыбнуться мальчику. И вдруг проворчала, утробно, гулко – звуки мужского голоса катились прямо из звериного горла, пробиваясь в динамики ошейника:

– Вообще-то Крумм самец. – Голос был не очень выразительный, будто у некачественно настроенного Лифта, но приятный и негромкий, идеально соответствующий мягким повадкам ее обладателя. – Крумм, называйте меня так.

Настя и Дима вздрогнули, чуть не закричав, а Витька пошатнулся, от неожиданности едва не грохнувшись на пятую точку. Чудовищным усилием воли он заставил себя сохранять спокойствие, стоя напротив странного животного и старательно не отводя взгляда.

– Еще раз благодарю за помощь! – Крумм повернул голову и осмотрел детей, прижимая уши и шурясь. – Вы сделали верный выбор, разрезав пути Глиняных. Спасли Крумма от беды! Но сейчас...

– Кто ты вообще такой? – не желая верить ушам, глазам и помутившемуся рассудку, спросил Витя, совершенно невоспитанно перебивая гигантского говорящего саблезубого кота. – Что это за место? Кто поставил на тебя капкан? Как нам выбраться наверх?..

– Ой! – вполне по-человечески хмыкнул полосатый хищник, отпрянув так, словно ему подули на жесткую щетку длинных желтых усов. – Поттише, молодой арсилит! Крумм, конечно же, звероморф. Неужели не заметно? Занятно, что ты спрашиваешь. Это игра? С удовольствием бы сыграл. Крумм уважает кланы. Даже незнакомые... Но есть важное дело – слышал, как сестра тоже угодила в ловушку Глиняных. А потому должен спешить, чтобы...

Он вдруг замолчал, прищурившись в пустоту так, что Витьке стало не по себе – зверюга будто собиралась броситься в атаку. А когда на тебя вот-вот накинется существо с клыками в длину ладони, становится очень неуютно...

Словно испугавшись этого пристального взгляда, из-под куста, тоненько просвистев, рванулось прочь что-то маленькое и юркое. Кот дернулся было догнать, но затем смиренно вздохнул и только покачал головой. Дмитрий и Настя, наблюдавшие за зверем и братом с другого конца прогалины, молчали, вытаращив глаза.

– Шпионское отродье... – протянул Крумм, а затем переключил внимание на мальчика. – Ты ведь не арсилит, верно? – Он вытянул шею, деликатно принохиваясь. В его изумрудных глазах плясали смешливые искорки. – Вы все не арсилиты. И не гулы. Вот же новость...

– Не очень понимаю, о чем ты. – Витя нашел мужество, чтобы хмыкнуть как ни в чем не бывало и одернуть школьную куртку. – Мы заботинцы, а никакие не гулы. Причем *те самые* заботинцы, если тут внизу слышали про Трансформацию. Так ты расскажешь, что это за место и как отсюда выбраться?

Крумм поочередно осмотрел всю троицу, прикидывая что-то в уме (если великанские зубастые коты вообще умеют прикидывать что-то в уме). Наши герои стояли, не шевелясь и боясь лишний раз вздохнуть, и даже отважный Дима не был уверен, что ему хватит храбрости сразиться со зверем, если тот задумал недоброе. Затем клыкастый заговорил, приоткрыв пасть и транслируя речь через ошейник.

– Это каверна Переливчатые Заросли, из числа нейтральных, – с интонациями музейного экскурсовода произнес он, легко хлопнув хвостом по земле. – Не принадлежит ни одной из сторон. Но на деле является угодьями клана Глиняных Следопытов... Впрочем, если вы *чужеродцы*, можете этого и не знать...

– Чужаки мы или нет, – вдруг вмешался Дмитрий, с вызовом вздернув подбородок, – а жизнь тебе спасли! Значит, и ты обязан помочь... – И когда Крумм обернулся к нему, плотно осмотрев его с ног до головы, добавил уже чуть тише и без прежнего задора: – Оказать нам ответную услугу... Разве нет?

– Рассуждаешь верно, юный недоарселит... – Над прогалиной пронесли несколько угольно-черных крылатых существ, и кисточки на ушах звероморфа затрепетали от мелодичного свиста летунов. – Но Крумм уже предупредил, что сначала должен...

Кот вдруг вскочил на все четыре лапы, развернувшись в сторону скал, топорща уши и поджав хвост. И пусть спасгородцы были незнакомы с повадками диких животных, одна эта поза вызвала в их душах что-то первобытное, всколыхнувшее память пугливых пещерных предков, заставив насторожиться и ждать беды.

– Следопыты здесь, – с рычанием пробилось через динамики ошейника, а губы хищника поползли вверх, обнажая клыки. Глаза превратились в щелки. Но затем мышцы зверя обмякли, и он обернулся к детям: – Вы правы, буду обязан отплатить за спасение. Но не сейчас. Слышу гулов-охотников, а открытого боя Глиняным не рискнет дать даже Крумм.

Близнецы переглянулись, уже догадываясь, что произойдет в следующую минуту. Настя вздохнула, смиряясь с неизбежным, и доверху застегнула куртку. Димка, хозяйственный и дальновидный даже в минуты приближающейся паники, без лишних вопросов нагнулся, пряча нож и забрасывая ранец за спину.

А через секунду полосатый котяра подтвердил опасения наших странников.

– Нужно бежать! – протяжно прорычал он. – Есть место, где найдем временное убежище. Пойдете следом, отвечу на вопросы. Останетесь... и тогда никто не поручится за вашу безопасность.

Глава третья, *в которой воскресают забытые обиды, а кое-кто попадает за решетку и ест торт*

Однако перед тем как броситься по тропе сквозь заросли коралловых деревьев, Крумм вдруг подобрался к нависающей над рощей скале. В несколько грациозных, мягких прыжков взобрался по выступам, осторожно высунулся из-за края.

Витя и Настя, не сговариваясь, тут же полезли за ним, правда не столь бесшумно и аккуратно. Кот покосился на них через плечо, фыркнул с легким презрением, но ничего не сказал. Когда дети достигли вершины, он демонстративно мотнул головой, указывая в сторону водопада:

– Смотрите... – И непроизвольно зашипел (точь-в-точь как наши домашние кошки, когда их что-то сильно раздражает). – Воины клана Глиняных Следопытов, пусть своды каверн обрушатся на голову их вожака...

Димка, замешкавшись внизу, отчего-то не торопился подниматься за остальными. Но брат и сестра были настолько поражены открывшейся картиной, что даже позабыли потопить мальчика...

Потому что взглянуть было на что – по длинной ложбине на противоположном берегу реки шла конная процессия. Точнее, это сначала ребятам показалось, что двенадцать всадников восседают на механических жеребцах. Приглядевшись, они обнаружили, что те едут на двуногих шагающих машинах (нам с вами эти агрегаты в первую очередь напомнили бы австралийских страусов). Там, где у двуногого коня должна была располагаться голова, виднелся руль, отдаленно похожий на велосипедный. Суставчатые ноги оканчивались мощными стальными когтями, обеспечивавшими хорошее сцепление с дном каверны. Тонкие жестяные перья «крыльев» по бокам машин выступали в роли гибких щитов, прикрывающих бедра всадников.

Сами гулы издали весьма напоминали людей (Настя едва не вскрикнула в изумлении, она ожидала чего-то гораздо более жуткого.) Но и эта иллюзия разбилась в прах: подбородки охотников оказались значительно массивнее и шире, чем у любого спасгородца; глубоко посаженные глаза сверкали, как у ночных животных; уши были неестественно длинными и вытянутыми назад, они едва ли не соприкасались друг с другом на лысых затылках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.